

Таисия Роуз

18+

Наследие
Роз

Таисия Роуз

Наследие роз

Серия «Проклятая. Избранная»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74365286
Таисия Роуз. Наследие роз: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-251819-5

Аннотация

Роман понравится поклонникам тёмного романтического фэнтези с масштабным миром, сложной мифологией и эмоционально напряжённым сюжетом. Вместе с главной героиней читатель погружается в многослойный мир вампиров, фей и ведьм, где древние законы, борьба за власть и опасные союзы определяют судьбы целых народов.

В центре истории – непростой выбор между разными проявлениями неизбежного зла. Героине предстоит столкнуться с предательством, жестокостью и последствиями собственных решений, чтобы определить своё место в мире, где цена ошибки может оказаться слишком высокой. Любовная линия выходит далеко за рамки классической романтики: страсть здесь неразрывно связана с властью, манипуляциями и борьбой за контроль над собственной судьбой.

Книга сочетает атмосферу мрачного фэнтези, политические интриги, опасные тайны и глубокую эмоциональную драму, создавая захватывающую историю о любви, выборе и цене силы.

Содержание

1. Между прошлым и будущим	6
2. Поместье Роспонд и завещание	28
3. Энергетический вампир и могила	57
4. Запретный лес и Александр	97
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Таисия Роуз

Наследие роз

© Таисия Роуз, текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

1. Между прошлым и будущим

1939 год. Англия. Северный Лондон

Цоканье каблуков, громким эхом отлетающее от деревянных половиц, означало только одно – настало время отбоя. Вот-вот миссис Смит должна была легко, почти не касаясь, постучать в дверь, а после уверенно зайти, строго обводя взглядом каждую девочку в комнате. На ее левой руке всегда гордо располагались небольшие золотые часики, которые, как она рассказывала, ей подарил муж на десятую годовщину свадьбы. Она кротко стучала по ним пальцами, прежде чем произнести заветные слова:

– На часах ровно девять вечера, а это означает, что через пятнадцать минут я выключаю свет. Те, кто находится не в своих кроватях, быстро располагайтесь по местам. Жду пять секунд и начинаю вечернее чтение.

Фразы этой худошавой женщины очень редко отличались друг от друга. Несмотря на то что миссис Смит была любимой воспитательницей абсолютно всех в приюте, она держала хватку и оставалась достаточно холодной, как бы показывая, что может дать отпор.

– Давайте только не «Золушку», ненавижу ее, – произнесла кудряшка-Джорджина и нахмурилась до такой степени, будто вот-вот лопнет.

– И не «Спящую красавицу»! – пискляво подхватила Джа-

нетта.

Девочки начали по очереди называть их самые нелюбимые сказки, по итогу превратив тишину в балаган.

Я уже представляла, как миссис Смит с громким скрипом оттаскивает едва ли живой стул ровно на середину комнаты, после чего начинает тарабанить ногтями по поручню, ожидая, когда все успокоится. Собственно, это женщина и сделала.

– Сегодня будет особенная сказка, вы вряд ли услышите ее от кого-нибудь еще, – отчеканила она, поправив очки, слезшие на кончик носа.

Присутствующие, в том числе и я, заинтересованно охнули в ожидании «особенной сказки». Буквально за одну минуту все успокоились, покорно разлегшись по кроватям.

Миссис Смит цокнула языком, затем что-то пробормотала себе под нос и, качнувшись пару раз на скрипучем стуле, начала рассказ:

– Бог создал два вида человеческих существ: нас и наших надзирателей – слуг небесных. Однако и слуги были порочны, питались они кровью человеческой и энергией вместо обычной еды. Но в то же время создавали баланс в мире, именно они руководили началом и концом войн, упадком страны и образованием империи, потому что имели большую связь с Создателем. Но не все из этих существ были добросовестны. Возжелали некоторые из них большей власти: являться не только тайным, но и явным правительством,

и был их предводителем главный кровопийца – Владислав. Они грабили людей, убивали и создавали полную неразбериху. И хоть остальные слуги небесные пытались им противостоять, порочных было большинство. Так, главный из «светлых», а так прозвали честолюбивых, тех, что энергией питались, Ксандр, прибег к помощи Создателя, и тот отправил на землю девушку – прекрасную Серафину, избранную, обладающую внутренним светом, что был способен покарать свирепых «темных». Но собственных сил девушке не хватало, поэтому она объединилась с Ксандром, соединив их сердца друг с другом. И прошелся огромный луч света по миру, и отделил «темных» от людей, одарив их проклятьем ночи. Теперь они могли ступать на землю только тогда, когда скрывались последние лучи солнца, а чтобы зайти в чужое жилище, должны были спросить разрешения у хозяина. Таким образом, сильно ослабив «темных», Ксандр выиграл время и отправился на поиски фей, которые могли наложить заклинание: оно отделило бы мир «темных» от остального. Шел так Ксандр девять дней и десять ночей, и отыскал он фею – Тиану, которая исполнила его желание, взамен выдав ему медный перстень с синим камнем внутри. Сказала тогда Тиана, что пока камень горит в перстне – будет магия действовать, но, как он погаснет, сразу заклинание и рассеется. И так, оберегая перстень, продолжил править Ксандр под руку с Серафиной. – Миссис Смит замолчала, закончив историю громким хлопком по собственной руке. Скорее всего, на нее

сел привычный для приюта зеленый клоп.

– И что это за Серафина? – замороженно спросила Элли. – Что с ней случилось?

– Она продолжила поддерживать порядок в людском мире рука об руку с королем света. Они полюбили друг друга так же быстро, как настал конец воителю тьмы.

– А у них были дети? Они долго жили? – не унимались девочки.

Конечно, всех поразила новая сказка. Хоть она и была короткой и местами немного устрашающей, но никогда еще в нашем сиротском доме не рассказывали ничего интереснее.

– Безусловно, были, – с неожиданным восхищением отозвалась женщина. – И скажу вам больше, вполне возможно, что когда-нибудь вы повстречаете их потомков. – Миссис Смит прокашлялась. – Так, барышни, вы видели время?! А ну закрывать глаза и спать, завтра подъем строго в семь утра.

Она вскочила на ноги и, выключив мерцающую лампочку, висящую в самом центре комнаты, незамедлительно вышла, оставляя нас наедине со своими мыслями.

Через два дня началась война. Англии ничего не угрожало, но владелец приюта все равно переехал с семьей в Швейцарию, перестав финансировать сиротский дом. Все девочки оказались на улице. Кажется, больше всех повезло Джанетте, которую приютила овдовевшая женщина.

Я пыталась отыскать миссис Смит, однако с каждым днем надежда угасала все больше и больше. Позже я узнала, что

она умерла. Но сказка воспитательницы навсегда осталась в закромах памяти. Она дала мне надежду на то, что когда-нибудь свет опять победит тьму.

* * *

Наше время. Польша. Винецбург

Переезжать в самый центр города, в квартиру на первом этаже – наихудшая мамина идея. Даже ночью машины непрекращающимся потоком гнали по ровной дороге, не давая выспаться человеку с очень чутким сном, которым я и являюсь.

– Знаешь, раньше я думала, что самое ужасное – жизнь за городом из-за больших расстояний, так вот, мам, ты мне доказала обратное, – пробурчала я, с недовольным лицом перемешивая хлопья в тарелке.

– Тей, дорогая, я же не виновата, что твой отец нашел себе новую женщину и нам пришлось в спешке переезжать. Я уже связалась с Данисой, мы решаем этот вопрос. – Мама мне подмигнула, на что я скривила самую негодующую гримасу, которую только могла.

Дело в том, что мы переехали сюда уже как три месяца назад. Почти каждый день Иренка, а именно так звали маму, говорила мне о том, что связалась с нашим агентом по недвижимости. Но я почти уверена, что никому она не звонила, потому что ее саму все устраивает. И нет, она не плохая мать, просто в вопросах комфорта всегда была достаточно

эгоистичной. Ей легче снять мне отдельную квартиру, чем переезжать самой.

Можно посчитать, что я слишком требовательна, ведь далеко не каждый может позволить себе просторную квартиру в самом центре. Но моя мама является очень успешной журналисткой, когда-то, по ее словам, у нее даже было собственное шоу, которое пришлось закрыть из-за достаточно низких рейтингов. Поэтому мое негодование можно легко обосновать: из множества доступных вариантов она выбрала самый неудобный для меня.

– Ты же помнишь, что сегодня у вас в школе будет тест? – совсем незаинтересованно спросила мама, параллельно печатая какое-то сообщение в телефоне.

Под «тестом» Иренка имела в виду годовую аттестацию по истории. Пожалуй, за него я совсем не переживала. С самого детства я любила смотреть документальные фильмы и всякие передачи о теориях заговора. Так уж вышло, что и школьная история мне показалась достаточно интересной, что удивительно, ведь к остальным предметам, наверное, помимо литературы, я не проявляла никакого интереса.

– Не переживайте, панна Ясецкая, я не подведу вас и сдам все на высший балл, – иронично пролепетала я, рефлексивно взглянув на наручные часы.

Спустя десять минут за мной должна была заехать лучшая подруга, являющаяся единственным человеком, спасающим меня от безумства.

– Это хорошо, миледи, – подыграла мне мама, на секунду даже взглянув на меня своими большущими голубыми глазами.

Раньше я сильно расстраивалась из-за того, что не получила, помимо бледной кожи и пухлых губ, от мамы совершенно ничего. Она являлась поистине красивой женщиной. Ее длинные черные волосы всегда блестели и выглядели так, словно она сделала кератин. Глаза цвета голубой лазури, обрамленные густыми ресницами, невероятно красиво переливались на солнце. Нос даже без намека на горбинку, с узкой переносицей, что немного расширялась в конце, делая его слегка курносым. У нее была тонкая длинная шея с узкими плечами, красиво гармонирующими с широкими бедрами, и маленькие тонкие уши, на одном из которых находилось сразу три прокола: она говорила, что это ошибки ее «бурной» молодости. Я ей, безусловно, не верила, ведь молодость у моей матери и не заканчивалась, она словно осталась в двадцатилетнем возрасте, и даже я на ее фоне порой рассуждала более зрело. Собственно, Иренка и выглядела не старше двадцати пяти, хоть ей было далеко за тридцать.

Наконец, закончив с завтраком, я молниеносно встала с высокого стула и, быстро управившись с мытьем тарелки, поторопилась в прихожую. Почти что накинув на плечи излюбленное серое пальто, вновь услышала мамин голос.

– Тей, чуть не забыла, сегодня никаких прогулок после занятий, мы едем к родственникам в обед.

— К каким еще таким родственникам и к чему такая спешка? — с подозрением спросила я, параллельно все-таки решая разобраться с завязыванием шнурков на кроссовках.

— М-м-м... — промычала мама, что означало на ее придуманном языке: «*Отстань и повинуйся*».

Я нахмурилась, но решила, что сегодня уже достаточно возмущалась, так что данную «реплику» пропущу мимо ушей. Потом все равно найду причину, чтобы никуда не ехать, например, под предлогом плохого самочувствия.

И вот, застегнув пальто, я глянула на себя в зеркало. И увиденное меня вполне удовлетворило: прямые волосы, достоящие до конца ребер, холодного блондинистого цвета; вытянутые ярко-зеленые глаза, обрамленные длинными ресницами, правда, здесь без внушительного слоя туши не обошлось; тонкий вздернутый нос с россыпью веснушек и губы, намазанные темно-розовой помадой и напоследок брендовым блеском, который мне посчастливилось урвать по гигантской скидке. Что сказать, лицо выглядело вполне ничего, учитывая тот факт, что мои мешки под глазами без консилера достигли уже глубины Марианской впадины, а губы, на самом-то деле, растерзаны мною же до крови — плохая привычка, появившаяся во время бракоразводного процесса родителей.

Телефон, который я умудрилась положить на самое дно черной сумочки, весело запиликал, оповещая, что Александра будет ждать меня не более четырех минут, так что

мне следовало срочно выходить из дома, чтобы избежать необратимых последствий. Еще раз осмотрев себя с ног до головы, я схватила ключи с тумбы и, прокричав что-то вроде: «*Мама, я тебя люблю*», выбежала из квартиры.

На парковке, как и ожидалось, уже стояла новенькая белая «Тойота», подаренная Алексе на ее восемнадцатилетие.

– А можно было еще дольше? – возмущенно спросила она, а после рассмеялась и поцеловала меня в щеку. Таким образом мы каждый раз здоровались.

Я широко улыбнулась, отметив про себя, что подруга выглядит сегодня еще лучше, чем обычно. А это означало только одно: они в очередной раз расстались с Феликсом.

Ох, как же я ненавидела этого идиота. Мало того что он был ростом ниже меня, а я, между прочим, около метра семьдесят пять, так еще и вечно запрещал Александре буквально все, начиная от длинных ногтей, заканчивая прогулками со мной не более раза в неделю, ведь с ним ей проводить время, конечно, куда полезнее.

– И что он опять натворил? – спросила после минутной тишины. Дело в том, что Сандра сдавала назад, и я знала, что в такие моменты ее беспокоить не стоило.

Александра, одной рукой держась за руль, а другойправляя длинные каштановые волосы с легкими кудрями на кончиках, нервно закусила губу, видимо совершенно позабыв про темную матовую помаду.

– Не поверишь, но в этот раз действительно веский повод,

Тей! Этот козел мне изменил с какой-то мелкой потаскушкой на летних каникулах.

Я, поперхнувшись водой, которая, как всегда, умостила в дверном кармане, пыталась вспомнить, какое сегодня число. Уже стукнуло восьмое ноября, так почему речь шла о лете? Принимать ее слова всерьез сразу не решилась. Сандра обожала преувеличивать и раздувать из мухи слона, так что для нее и совместное селфи Феликса с другой девушкой могло сойти за измену.

– То, что он козел, я знала с самого начала, как увидела его хитрющий прищур. Однако почему ты узнала о его интрижке только сейчас?

– Пф-ф, – выдохнула подруга и на секунду перевела взгляд широченных янтарных глаз на меня, – ну, он вчера мне сказал о том, что какая-то Инесса из девичьей закрытой школы, с которой он познакомился во время августовской подработки, забеременела от него и отказалась сделать аборт, поэтому теперь, кажется, у него будет ребенок. Он, конечно, уверял, что не хочет разрывать со мной отношения и этот секс, произошедший, когда мы находились в ссоре, ничего для него не значил... Говорил, мол, будет просто выплачивать ей алименты и не более, но... Я решила, что сыта этими дурацкими выходками по горло, и послала его на все четыре стороны. – Александра замолчала, а я услышала, как у нее дрожал голос: она едва сдерживала слезы. – Теперь уже навсегда.

Я хотела ответить, но не успела, потому что телефон вновь завибрировал, начиная воспроизводить раздражающую мелодию. Взглянув на экран, широко улыбнулась.

– Да, бабуль, как твои дела? – радостно спросила, уже предвкушая, как услышу добрый, слегка грубоватый голос моей бабушки – Элизабет.

Той самой, которая воспитывала меня почти все детство; той самой, которая рассказала мне историю про, как бы сейчас их назвали, вампиров, из-за которой я не могла спать ночами, мечтая познакомиться с храбрым Ксандром и нежной Серафиной.

Воспоминания о седой, стриженной под каре старушке с едва ли видными морщинами на загорелом лице всегда грели мне душу. Бабуля была мне самым родным и дорогим человеком на земле. Наставницей и родственной душой.

На другом конце мне начали кратко отвечать на заданные вопросы, а после бабушка Лиззи резко замолчала, будто бы подбирая более нужные слова.

– Милая, зная тебя, более чем уверена, что ты наверняка не хочешь, но тебе нужно поехать сегодня с мамой, – слегка приказным тоном сказала бабуля, сохраняя при этом теплоту в голосе. – Это очень важно для меня и прежде всего для тебя самой.

– Неужели ты тоже там будешь? Ты наконец прилетела из Лондона? – радостно спросила я, чувствуя, как упругие щеки начали болеть от широкой улыбки.

Александра даже хихикнула, краем глаза наблюдая за тем, с каким удовольствием я слушаю собеседницу.

– Алло, бабуль? – переспросила я, так и не услышав ответа. Послышались быстрые гудки. Связь оборвалась, а когда я перезвонила, трубку уже никто не взял.

Я не придавала этому значения, посчитав, что бабушка Лиззи всегда плохо разбиралась в технологиях и порой забывала даже, как разблокировать свой мобильник, не говоря уже о звонке.

– Кажется, сегодня мы не сможем пойти в кофейню «У Джесси», чтобы я тебе во всех подробностях рассказала, почему Феликс полный придурок? – слегка расстроено произнесла Александра, после растягивая губы в грустной улыбке. Я даже удивилась тому, что она так хорошо держится. На ее месте я бы забила на все и смотрела какую-нибудь мелодраму, заедая собственное горе.

– Перенесем это на завтра, а сегодня будет день без Феликса Финчера! – Под мой торжественный возглас мы заехали на школьную стоянку.

Вокруг все было как всегда: подростки, одетые в самые разные наряды, начиная от строгих брючных костюмов, заканчивая кожаными мини-юбками ядреного зеленого цвета; машины разнящихся классов, четко разграничивающие слои общества на «не совсем» и «богатеньких детишек»; строгий учитель биологии, в очередной раз отчитывающий кого-то за курение. В общем, за выходные совершенно ничего не из-

менилось.

Я вышла из машины, с трепетом думая о предстоявшей встрече с бабушкой. Мне было очень интересно, почему она вдруг решила прилететь спустя пять лет и кто эти «загадочные» родственники, из-за которых Лиззи пошла на этот шаг. В голову полезли воспоминания о нашей последней встрече. О ее дорогих духах, бесценно пахнущих чем-то цветочным; уже потрескавшихся от старости губах на моем виске, которые оставили красноватый след помады, как бы напоминающий об уезде; добрых ярко-зеленых глазах, всегда сощуренных от частой улыбки. Я предвкушала ощутить это все вновь, как только ее увижу. Но перед этим, конечно, стоило написать тот самый тест, о котором так гордо заявила собственной матери.

Мы с Александрой зашли внутрь и оказались в привычном, все еще неуютном школьном коридоре. В нем стояло эхо сотен голосов, разносящихся с различных сторон.

– Никакого Феликса Финчера, – напомнила подруге, а после взяла ее за руку, таким образом демонстрируя жест поддержки.

Александра крепко сжала мою ладонь в своей, вновь показав на слегка пухлых щеках милые ямочки. Мы уверенно зашагали в сторону кабинета истории, который располагался в самом конце коридора второго этажа. Почти дойдя до лестницы, Лекса, до этого рассказывающая мне о каком-то новом фильме рейтинга «18+», на который мы *«просто обязаны»*

были попасть, вдруг спохватилась, резко останавливаясь:

– Вот черт, Тей, я совсем забыла, что мне нужно помочь преподавателю информатики на вебинаре по электронным таблицам для младших классов. – Она, увидев мое хмурое лицо, смешивающее в палитре эмоции недоумения и осуждения, тут же поторопилась объясниться: – Мне пообещали поставить за это автоматом четверку с половиной по тесту.

– Так бы сразу и сказала, – активно закивала. Несмотря на то что я обожала гуманитарные науки, Александра являлась заядлым технарем, не воспринимающим в школе совершенно ничего, кроме чисел и буквенных уравнений.

Мы на прощание чмокнулись в обе щеки и договорились встретиться сразу же после занятия на территории буфета. Не успела я пройти и нескольких метров, как стремительно уперлась кому-то в грудь.

– Ну надо же, совсем не ожидал тебя так быстро отыскать, – послышался грубый мужской голос откуда-то сверху.

Я задрала голову и увидела пред собой совершенно незнакомого, до жути бледного парня, имеющего крайне острые, цепляющие черты лица, гармонично смотрящиеся с темно-русыми волосами с завивающимися кончиками. Его карие, почти черные, суженные, как у кота, глубокие глаза, обрамленные густыми ресницами, крепко вцепились в мои, не выдавая никаких эмоций.

Словив себя на мысли, что его взгляд показался мне страшно знакомым, я призадумалась, но все же, не увидев в

нем хоть намек на давнего друга, лишь неуверенно мотнула головой.

– А должен был ожидать? – слегка растерянно ответила, одновременно подмечая, что мой собеседник являлся широкоплечим и не ниже метра девяносто, поэтому совсем неудивительно, что такая миниатюрная, по сравнению с ним, девушка случайно в него врезалась.

– Не-а, – вдруг грубо ответил незнакомец, избегая зрительного контакта, – поговорим потом... Извини.

Не прошло и минуты, как я провожала взглядом его спину. И все-таки сегодня был действительно необычный день. То бабушка позвонила, то непонятный парень, который, очевидно, являлся слишком взрослым для старшеклассника, но недостаточно, чтобы являться преподавателем. Слегка встреपенувшись, попыталась отогнать от себя ненужные мысли и вновь двинулась в сторону нужного мне кабинета.

* * *

Хоть я и не сомневалась в успешном написании проверочной, моя голова решила иначе и сильно разболелась. Потерянно блуждая взглядом по столовой, я зацепилась за красную блузку Александры, которая мило разговаривала с очень хорошо, к великому сожалению, известным мне человеком. Ее оппонентом был не кто иной, как мой бывший – Рафал, или просто Раф.

Мы познакомились прошлой весной: Раф достаточно нахально подкатил ко мне в кафе, в котором мы с Лексой часто обедали, а я повелась на смазливое личико и до невозможности обворожительную улыбку. Вскоре к этим двум пунктам добавилось и отличное чувство юмора, присыпанное стружкой харизмы. Однако встречаться нам было суждено недолго – всего пять месяцев. Разрыв произошел совсем не по моему желанию. В конце августа Рафал резко пропал, перестал отвечать на сообщения и звонки, просто испарился. Забив тревогу, я выяснила, что он перевелся в другую школу и, кажется, оборвал прошлые связи. Мне тяжело далось расставание, ведь он был моим первым парнем, за исключением Януша Мицкевича в четвертом классе – с ним мы максимум ходили вместе на внеурочные занятия и изредка держались за руки.

– Чего замерла? Подходи к нам! – помахала мне Александра, а я мысленно ее прокляла тысячу раз.

Хотя винить подругу было не в чем: я оказалась слишком гордая, чтобы признать, что какой-то там старшеклассник меня так жестоко бросил, попросту воспользовавшись, поэтому и соврала Алексе, что мы разошлись мирно, оставшись друзьями. Так что, видимо, по мнению девушки, некомфортно должно было быть только Рафу. Да и Александру легко можно причислить к заядлым оптимистам, которые считали, что все в этом мире легко поправимо, стоит только заговорить. Конечно, их взаимоотношений с Финчером это не касалось.

– Привет... – отстраненно ответила я, всячески стараясь избегать зрительного контакта.

– И тебе здравствуй, – в излюбленной, словно насмехающейся манере, произнес Рафал. – Как поживает моя Ти?

Так называл меня только он, и поэтому от быстрого «*Ти*» сердце сжалось. Мысли неосознанно начали возвращаться в «*страдальческий*» сентябрь: почти каждый день в первом месяце осени я занималась самыми изощренными видами самобичевания, пытаюсь оправдать или понять поступок Рафала.

Не сдержавшись, я посмотрела на его лицо. Он ничуть не изменился. Все такие же иссиня-черные волосы со слегка отросшей челкой, которая закрывала ровный лоб; бледное, почти серое лицо; впалые скулы; густые ровные брови и самое ужасное для меня – темные глаза, заглядывающие прямо в душу. Раф никогда не боялся смотреть оппоненту прямо в радужку, словно пронзая насквозь. Наверное, это меня в нем и зацепило.

В голову полез незнакомец из коридора, и до меня наконец дошло – у них были совершенно одинаковые глаза и колкий взгляд. Подтверждение промелькнувшей, как пуля, мысли не заставило себя долго ждать. В нашу небольшую компанию заявился еще один человек. Тот самый парень.

– Думаю, тебя не должно волновать то, как я себя чувствую, – взяв себя в руки, ответила, параллельно поглядывая на незнакомца.

– Раф, оставь в покое свою бывшую подружку, – строго сказал он, легонько ударяя Рафала по плечу. Тот драматично охнул и попятился назад. – Не за тем пришли.

– Как скажешь, занудный старший брат, – усмехнулся он, а следом рассмеялась и Александра.

Я, конечно, была безумно рада, что моя подруга чувствовала себя гораздо лучше, чем утром, но сама ситуация заставляла поежиться. Мало того что Рафал решил объявиться посреди учебного года, так еще и вместе с братом, о котором он мне за пять месяцев даже и слова не вымолвил, а они выглядели так, будто достаточно близки.

«Брат-незнакомец», видимо, заметил мое замешательство, поэтому, слегка улыбнувшись, мягко произнес:

– Сандра, кажется, ты говорила, что должна забежать в кабинет истории, попросить автомат за помощь на вебинаре?

Девушка сразу же изменилась в лице, а после обернулась ко мне, делая руками жест извинения.

– Черт, и правда ведь! Тей, я скоро вернусь, жди или ждите меня здесь.

Она резко развернулась и быстрыми шагами начала удаляться, не позволяя мне вставить и слова. Я удивилась тому, что Александра, которой только скажи что-то сделать, обычно сразу становилась в позу, так ринулась из-за одного замечания какого-то хоть и красивого, но все еще незнакомого парня.

Я озадаченно на него посмотрела, приподняв левую

бровь, таким образом показывая, что требую ответов.

– Просто хотелось поговорить с тобой наедине, Ти, – объяснил все Раф, широко улыбаясь. – Думаю, ты удивлена, но этот бугай, стоящий около меня, – мой брат. Так что, будь добра, познакомься.

Незнакомец как-то хмуро на него зыркнул и, слегка помявшись, все-таки протянул руку в мою сторону.

– Кристиан, – сухо и монотонно произнес он. От его любезности с Сандрой не осталось и следа. Прямо как со случаем на лестнице.

– Тереса, – ответила я, слегка призадумавшись, так ли важно мне представляться, ведь было совершенно очевидно, что мое имя ему уже известно.

Голова, решив, что именно этого мне не хватало, начала еще сильнее болеть, пульсацией отдавая в области висков. Я неосознанно схватилась за лоб, пытаюсь хоть немного успокоить боль холодными руками.

– Выглядишь неважно, – обеспокоенно произнес Раф, подходя ближе.

Я сразу же отшатнулась, словно увидела призрака, и широко распахнула глаза, направляя взгляд в сторону Рафала. Тот лишь поднял руки, показывая, что ничего делать не собирается, и вернулся на свою изначальную позицию.

– Так чего вы оба хотите? – достаточно спокойно спросила я, пытаюсь передать в этой фразе всю свою неприязнь и нежелание с ними общаться.

Неожиданно почувствовала сильное рвение поднять до этого опущенную голову вверх. Сделав это, сразу же уперлась взглядом в Кристиана.

– Какого черта... – пробормотала я, чувствуя, как усилилась головная боль, а тело словно перестало слушаться, не желая отворачиваться вовсе.

Кристиан слегка усмехнулся, а после подошел ближе и схватил меня за шею, не разрывая зрительного контакта. Этого не хватило, чтобы почувствовать удушье, но хватило, чтобы я испуганно пискнула, а мое сердце забилося с огромной скоростью.

– Ты ни в коем случае не должна сегодня никуда ехать, – грубо сказал он, продолжая пронзать меня темными глазами, которые в моменте будто заискрились, меняясь в цвете.

Меня всю затрясло, а время замедлилось, громкие голоса учеников неожиданно исчезли. Будто бы в столовой остались только мы вдвоем.

– Какого ты делаешь?! – прошипела я, наконец сумев совладать сама с собой и отталкивая его как можно дальше.

Повседневный гомон вернулся вновь, и кто-то даже прошел сзади меня, случайно задевая сумкой. Я переводила взгляд то на Рафала, то на Кристиана. Раф удивленно приоткрыл рот, а его брат продолжал смотреть на меня, но все-таки уже не столь пристально, скорее проницательно. Он будто меня изучал. Его глаза снова стали черными, наводя на мысль о том, что у меня таки поехала крыша.

– И откуда ты знаешь, что я должна куда-то ехать сегодня?

Не получив ответа, пропустила легкий смешок и, громко выдохнув, произнесла:

– Так, не знаю, что тут творится, но я не собираюсь слушать нахального брата своего бывшего. И держитесь от меня подальше!

Я в стиле главных стерв из сериалов про подростков развернулась, напоследок поправив волосы, и устремила к выходу, совсем забыв, что должна дожидаться Александру.

– Не приезжай туда, Ти, ради меня... – услышала вдогонку, перед тем как за мной закрылась дверь.

Не заметив, как вышла во двор, я уселась на ближайшую лавочку, чтобы перевести дух. Мысли в голове никак не хотели складываться во что-то одно, хаотично переноса меня от одной к другой.

«Бабушка хочет, чтобы я ехала, а бывший и его грозный старший брат, которые непонятно откуда узнали, что я должна вообще куда-то ехать, – нет, – начала разговаривать сама с собой в голове, – тут выбор, очевидно, склоняется в сторону того, чтобы поехать...»

Однако непонятное чувство тревоги меня не покидало. Почему вообще так важна какая-то поездка к родственникам? Да, мама постоянно меня заставляла с ней ехать то к двоюродной тетке, живущей в другом конце страны, то к не более известному мне дедушке Августу, кажется, четвероюродному. Так чем эта поездка отличалась от других? Ну кро-

ме того, что, судя по всему, бабуля тоже там будет.

Взглянув на часы, я увидела, что близилось время второго урока. На ненавистную математику идти не хотелось. Недолго думая, я решила вернуться домой и попробовать поспать, беря во внимание ужасную головную боль.

«*Вот ближе к обеду и решу...*» – подумала я, уже рыская в телефоне в поисках номера такси.

2. Поместье Роспонд и завещание

Наше время. Польша. Винецбург

Вначале была непроглядная тьма, однако вскоре в самом конце начал видеться свет, стремительно разрезающий темные просторы своим величием. Перед глазами появилась огромная поляна красных маков. Они были настолько красивы, что я не выдержала и потянулась за одним ручкой, тут же ее одергивая, – мак обернулся черной розой, обвившей, словно змея, ладонь шипами. Ядовитый стебель впивался в кожу все сильнее. Из руки начала сочиться алая кровь, каплями падающая на такого же оттенка цветы. Почувствовав, как шипы продолжали вонзаться все дальше и дальше, я закричала.

Резко распахнув глаза, первым, что я увидела перед собой, было обеспокоенное лицо матери. Я выдохнула, осознав, что на самом деле находилась в собственной комнате, и единственные цветы, которые здесь были, – голубые гипсофилы на подоконнике.

Это сновидение я видела не единожды. Впервые мне снились розы, когда я в тринадцатилетнем возрасте гостила у бабушки на летних каникулах, и с тех пор где-то раз в несколько месяцев этот кошмар являлся ко мне.

– Все в порядке, просто плохой сон, – пробурчала, не давая Иренке вымолвить и слова.

Та лишь развела руками и отошла от меня, попутно оглядываясь вокруг.

– Совсем непохоже на комнату девочки-подростка, – задумчиво произнесла она. – Кажется, должно быть чуточку грязнее.

Я неожиданно поняла, что мама действительно впервые находилась в моей комнате. Мы с ней виделись только за завтраком. Что уж там, иногда я даже не знала о том, что она тоже находится дома. Наши отношения были далеки от гармонии и понимания еще с моего раннего детства: мама словно очерчивала между нами линию, не позволяя слишком близко к ней подойти. Раньше мне казалось, что дорогу к ней преграждал папа, но теперь понимала, что женщина и сама не торопилась сближаться. Иренка определенно любила меня, возможно, даже больше, чем кого-либо, но так и не осознала в полной мере, что включает в себя слово «материнство».

Однако подметила она верно. Я была заядлым перфекционистом и не позволяла ни единой пылинке оказаться на мебели, не говоря уже о фантиках или пустой кружке из-под чая. Полагаю, этому поспособствовал мой отец, который часто ругал меня в малолетнем возрасте за каждую немытую тарелку или случайно оставшуюся крошку на губах.

– Может, это означает, что мне пора жить отдельно? – сказала, попутно сладко зевая: хоть сон был и тревожным, от этого нежеланным он не стал.

И тут резко меня озарило – я смогла заснуть! Причем

днем, в самый час пик, когда звук мотора машин особо сильный, и даже плотно закрытые окна никак не улучшали ситуации. Если так подумать, я даже и не помнила, как оказалась на кровати или разулась. Последним моим воспоминанием был мягкий салон такси, в которое я быстро запрыгнула, только завидев желтую компактную машину. Конечно, у меня сегодня сильно болела голова, особенно во время разговора с Роспондами, а именно такой была фамилия Рафа. Но все-таки обычно каких способов ни придумывала, я не могла избавиться от звука проезжающих машин.

– Хм... – лицо мамы выглядело так, будто она и правда задумалась. Нет, я была уверена, что она задумалась. – Заманчиво, но не дождешься, – все-таки умозаклучила Иренка, а после подошла ко мне поближе и мягко похлопала по плечу. – И вообще, вставай и пой, мы уже пять минут как должны были выехать!

Я промычала что-то нечленораздельное и затем, пересилив себя, устало потянулась. Почему-то желания пререкаться с матерью не появилось, а это означало только одно – выбрано решение ехать.

Я подошла к зеркалу и начала быстро приводить в порядок знатно испортившийся макияж. В сознании всплыла мысль о том, что я так и не объяснилась перед Александрой. Должно быть, она была просто в бешенстве, когда не застала меня в буфете.

«Черт, я ведь даже телефон не проверила», – подумала

и, быстро припудрив лицо, подбежала к кровати. На экране сразу же высветились уведомления из мессенджера, переходящие от *«Куда ты подевалась?»* до *«Знаешь что, иди-ка ты»*.

Мысленно я уже представила то, как Алекса нахмурила тонкие выщипанные брови, сузила большущие ореховые глаза до неузнаваемости и недовольно поджала пухлые губы. О да, она безусловно находилась в бешенстве! Решая не медлить, я быстро записала подруге голосовое сообщение, в котором кратко пересказала наш диалог с Рафалом и Кристианом, а после о том, как не заметила, что заснула. Закончив распинаться на быстром *«Люблю»*, я закинула телефон в карман кожаной юбки и вышла из комнаты.

– Как раз собиралась тебя позвать, – улыбнулась мама, успевшая надеть длинный глянцевый плащ красного цвета.

Всегда хотела его примерить, но Иренка мне строго-на-строго запретила. В целом мама являлась заядлым шопоголиком и к своим вещам относилась по-собственнически. Иногда казалось, что она скорее сдаст меня в детский дом, чем позволит поносить какую-то из пар ее каблуков.

Я лишь усмехнулась и, быстро разобравшись с незатейливой шнуровкой на ботинках, поторопилась за мамой, которая успела прошмыгнуть за пределы дома.

В кожаном салоне стоял сладкий запах маминых духов. Она любила пшикаться ими с ног до головы, оставляя приторный аромат абсолютно повсюду. И это была одна из немногих вещей, которую переняла у матери. Я просто обожала приятно пахнуть и иногда могла даже нанести на себя сразу несколько парфюмов.

– Так к кому мы едем? – не унималась я. Неведение, особенно когда какой-то поездке придают сразу несколько людей огромное значение, ужасно раздражало.

– К отцу и его давним друзьям, – как-то слишком резко произнесла мама. Только сейчас я заметила, что она нервничала, непривычно для нее постукивая пальцами по рулю автомобиля.

– С каких пор «давние друзья» – родственники? – недоуменно выгнула бровь я.

Ответ меня очень удивил. Во-первых, мама после того, как отец ушел к другой женщине, даже имя его не произносила, не говоря о визите. Во-вторых, мы ехали в противоположную нашему старому дому сторону города. И наконец, в-третьих, почему бабуля Лиззи решила приехать навестить моего папу, если они поссорились, кажется, еще тогда, когда меня и в помине не было? Именно из-за этого, кстати говоря, к бабушке меня всегда возила мама, хотя, по сути, и не

являлась ей никем по родству.

– Какая пронизательная, может, пойдешь по маминым стопам и тоже станешь журналисткой! – улыбнулась Иренка, на секунду переводя взгляд с дороги на меня. – Я утром слегка оговорила. Да и формально родственники там тоже будут... В общем, мы едем по делу.

– Какому такому «делу»? – с подозрением уточнила. – Бабушка и папа наконец помирились? У нас будет что-то типа сентиментального семейного ужина? – Я пропустила смешок, но мама почему-то моей шутки не оценила, наоборот, как-то уж слишком напряженно скривила губы и что-то проворчала под нос, прежде чем ответить.

– Элизабет... Она... – Иренка замолчала, словно не знала, какие подобрать слова. – В общем, узнаешь.

Я недоуменно на нее посмотрела, чувствуя, как тревога окутала меня с ног до головы, а сердце пропустило пару гулких ударов. Все, что касалось бабушки, всегда волновало меня. Но все же она ведь мне звонила сегодня и сама просила приехать, так что, наверное, беспокоиться было не о чем.

Сразу вспомнились слова Кристиана, похожие больше на угрозу, нежели наставление, и его темно-карие глаза, смотрящие прямо в душу. Почему они так не хотели, чтобы я туда ехала? И еще важнее, откуда Раф и Кристиан вообще про это знали? Тогда я была на взводе, поэтому не могла мыслить рационально, сейчас же мне думалось о том, что следовало остаться и получить ответы.

– Почти приехали, – сказала мама, а вслед ее слова подтвердил и навигатор, бездушным мужским голосом оповестивший о том, что до прибытия осталось всего девятьсот метров.

Я начала смотреть в окно, удивляясь всему происходящему все сильнее. До этого, в основном просматривая ленту в телефоне, и не заметила, что мы выехали за город и тем более оказались в совершенно неизвестном мне месте. Через стекло виднелась небольшая лесополоса, очень резко заканчивающаяся и переходящая в ухоженную живую изгородь, около трех метров в длину.

– Как все по-старинному, – негодуяще пробормотала Иренка, когда машина подъехала к высоким ветвистым воротам темного цвета, соединяющим между собой два длинных зеленых забора. – Современные постройки выглядят гораздо лучше.

Я с ней отчасти согласилась, но все-таки, в силу моей любви к сказкам и истории, готические постройки и средневековые замки тоже вызвали определенные эмоции, что-то вроде внутреннего благоговения и ужаса.

Ворота оказались автоматическими и сразу же открылись, давая нам проехать дальше. Я мысленно восхитилась масштабом территории. Нужно было проехать довольно много, чтобы хотя бы примерно рассмотреть дом вблизи. Сейчас же виделся только сероватого оттенка громадный округлый особняк, состоящий, кажется, из трех высоких этажей.

Когда машина приблизилась к парковочной зоне, я заметила, что часть овальных окон в доме были высокие, соединяющие сразу два этажа; остальные же, видимо, выделенные под комнаты, являлись обычными и более квадратными. Сам особняк украшали множество скульптур, порой разнящиеся тематикой. Например, снизу виднелись готические гаргульи, сразу мне напомнившие об одном из самых любимых мультфильмов детства «Горбун из Нотр-Дама», и слегка жутковатые выбитые головы львов, агрессивно скалящиеся на смотрящего, а на крыше расположились девы, которых с такой высоты как следует разглядеть не удавалось. Дорога, вымощенная плиткой, сопровождалась одиночными скамейками и уже полноценными скульптурами ангелов. Невольно засмотревшись на неоднозначную, но невероятно красивую картину, я и не заметила, как мама заглушила мотор.

Дверь машины открылась. Слегка пригнувшись, чтобы подать руку, передо мной встала миловидная девушка, выглядящая лет на пятнадцать от силы. Ее невообразимо большие голубые глаза были тем еще заглядением, а смуглая кожа, красиво отливающая на закатном солнце, прекрасно с ними контрастировала. Она растянула тонкие губы в улыбке:

– Добро пожаловать в поместье Роспонд, госпожа Ясецкая. – Вызволив собственную ладонь, она изящно поклонилась, словно делала это уже тысячи раз. – Меня зовут Василиса, и я буду вашим проводником на сегодня.

Восхищенная таким королевским приемом, я хотела по-

благодарить девушку, но вместо этого мой рот замер и стал похож на букву «О».

– Р-Роспонд? – переспросила, отдаленно слыша, как мама переговаривалась с кем-то другим, по всей видимости, дво-рецким.

– Все верно, госпожа. – Она кивнула, а после мотнула головой в сторону входа: – Извольте, я вас провожу.

Василиса сделала несколько плавных шагов вперед, и мне оставалось лишь пялиться в ее белобрысый затылок, на котором красовалась аккуратная гулька.

– Вы идете? – спокойно спросила она, а я мысленно пыталась понять ход событий.

Так, значит, мама меня привезла в дом Рафала... Конечно, это могли быть и однофамильцы, но с учетом того, что оба брата пытались меня утром отговорить от поездки, особняк принадлежал именно им либо, по крайней мере, их родственникам.

«Так, это все понятно... Но откуда они знакомы с моим отцом и тем более с бабушкой?» – спросила сама себя, машинально следуя за Василисой.

– Вам плохо? – слегка обеспокоенно спросила она, останавливаясь. – Не поймите неправильно, просто я чувствую ваше волнение.

– Чувствуете? – задумчиво ответила я. – Нет, все в порядке.

– Не берите в голову, – произнесла она, скорее всего, от-

вечая на вопрос.

Я еще раз обратила взгляд на нее и убедилась в ангельской красоте девушки. Даже несмотря на смуглую кожу, все ее черты лица были очень мягкими и будто бы окрыленными, а белокурые, пепельные волосы доставляли эстетическое наслаждение. Особенную изюминку ей придавали едва закрученные на концах миниатюрные ушки. Схожие я видела только у Александры, и они всегда меня умиляли.

– Странно, что ты работаешь здесь, тебе бы в моделинг подаваться, – перешла на неформальное общение я, посчитав, что у нас слишком маленькая разница в возрасте, чтобы так изощренно говорить.

И все же я произнесла это искренне. Если бы не достаточно низкий рост Василисы, она бы отлично смотрелась на глянцевах обложках.

– Мне это не совсем интересно, – улыбнулась она, однако было видно, что я ее сильно смутила.

Наконец мы подошли к двухметровым дубовым дверям, на самом верху которых красовалась надпись: «*Nomen est omen*».

– Что это значит? – поинтересовалась я, пытаюсь таким образом отвлечься от тревоги.

– Имя – знамение, это латинский, – пролепетала Василиса и, дождавшись маму с ее проводником, распахнула двери.

Я хотела повторить свой вопрос, посчитав данную фразу какой-то бессмыслицей, но меня прервали:

– Госпожа, неужели вы не брали с собой никаких вещей? – слегка удивленно спросил у меня мужчина, сопровождающий Иренку, заставляя невольно подумать о том, что он наверняка родственник Василисы – лица у них были как две капли воды.

– Мы же на один вечер, – не понимая, к чему суматоха, произнесла я, после громко ахнув. Внутри дом выглядел еще грандиознее, чем снаружи.

Взгляд сразу направился на огромную хрустальную люстру, свисающую с третьего этажа. Ярусы не были ничем отделены, кроме золотистых лестничных перил, украшенных различными цветами, и широких ковровых дорожек, лежащих на кремовых ступеньках. Повсюду были развешаны разные картины. Я заметила и Ван Гога, и да Винчи, даже польскому художнику Коссаку нашлось место. Под ногами пол был вымощен плиткой из белоснежного мрамора, слегка переливающегося от яркого света свечей. В самом конце внушительного по размеру холла располагался высокий проход, обрамленный выгравированной золотистой фразой, такой же, что и красовалась на входе.

– Тереса! – Не успела я пройти дальше, как ко мне подбежал отец. – Ты пришла, – без особого энтузиазма произнес он.

Виктор Ясецкий, или просто мой папа, выглядел совершенно не так, как месяц назад при нашей последней встрече. Его и без того вечно уставший от работы взгляд узких зеле-

ных глаз был безжизненным, щеки совсем пропали, и на их месте образовались огромные впадины, выразительные губы приобрели синеватый мертвый оттенок, а кожа ничем не отличалась от цвета плитки на полу.

Внутри вновь начал образовываться ком тревоги. Что-то здесь было неладно, и даже невероятно красивый дом не мог данного скрыть.

– Привет. – Я не решилась его обнять, а он, кажется, даже и не планировал. Такие отношения нас абсолютно устраивали.

– Виктор, – высокомерно произнесла мама и рефлекторно подхватила меня под локоть. – Где остальные?

– И тебе здравствуй, Иренка. – Мне казалось, что между моими некогда счастливыми родителями вот-вот начнут летать молнии. Хотя, полагаю, настолько безрассудная женщина и, наоборот, чересчур собранный мужчина не способны быть счастливы вместе. – В гостиную, позволь, я вас провожу.

Я покосилась на Василису, которая, очевидно, мешкалась, не зная, что делать.

– Может, мы можем чем-то помочь? – спохватился ее коллега.

– Спасибо, Флориан, но я думаю, что справлюсь. Если что-то понадобится, полагаю, вас двоих позовут.

Отец махнул нам рукой и повел в проход, находящийся в самом конце большого коридора.

«С ума сойти, Рафал никогда мне не упоминал, что он из настолько богатой семьи. Если так подумать, наши свидания проходили или в кофейне «У Джесси», или изредка он выбирал другие заведения, но тоже с достаточно средним ценником», – подумалось мне, пока я рассматривала роспись на потолке.

Отчего-то эти мысли меня сильно расстроили. Я полностью открылась Рафу и иногда рассказывала даже то, чего не знала Лекса. Мне казалось, что я знала и его, но это оказалось ложью. Он мог мне сказать свой любимый цвет, книгу или фильм, но никогда не выдавал чего-то личного. Я же, по уши в него влюбленная, даже этого и не замечала.

Совершенно случайно я обратила свой взгляд на подсвечники, свисающие со стен.

– Как странно, огонь зеленый, – замороженно произнесла я, до этого видевшая подобное только на уроках химии.

– Просто свечи со специальным составом, – сказала мама, по-прежнему держащая меня крепкой хваткой.

Дойдя до конца изумрудной ковровой дорожки, мы оказались в так называемой столовой, однако, на самом деле, по площади она превосходила даже некоторые однокомнатные квартиры.

Эта комната не стала исключением, и в самой середине находилась громоздкая люстра, на сей раз украшенная причудливыми камнями синего цвета. Снизу от нее расположился огромный стол из красного дерева, во главе которого с гор-

дым видом восседал неизвестный мне мужчина, о чем-то переговаривающийся с расположившимися от него с двух сторон братьями Роспонд. Чуть поодаль от них находились еще двое человек – пепельноволосая женщина, одетая в строгий белый костюм, и тучный мужчина с рыжими, почти красными волосами, уложенными в небрежный хвост.

– А где бабушка? – удивленно произнесла, не увидев человека, собственно, из-за которого на это все и согласилась.

Я почувствовала, как Иренка сжала мою руку так, что она начала противно пульсировать, отдавая в область локтевой кости. Отец лишь обвел меня мрачным взглядом, присущим ему, но ничего так и не ответил.

– О, Виктор, ты наконец привел нас гостью, – писклявым голоском произнес длинноволосый мужчина, протягивая в мою сторону руку, облаченную в красную перчатку. – Вернее, даже двух. – Он слегка приподнял бровь, переводя взгляд своих маленьких карих глаз на маму.

Неожиданно поднявшись, он, небрежно перебирая короткими ногами, оказался около меня, зачем-то прикладывая потную ладонь к моему лбу. Я инстинктивно отпрянула, брезгливо сморщив нос.

– Ну же, милая, я не кусаюсь, всего-то хочу узнать тебя получше, – он криво усмехнулся, оголив свои кривые зубы.

Раздался громкий удар по столу, и мужчина закатил глаза, сильно краснея. Мне он напомнил в этот момент гнома, возможно, из-за его роста не выше метра шестидесяти или

огромного живота и румяных пухлых щек с выделяющейся черной мушкой. Отчего-то, невзирая на достаточно отталкивающие черты лица, в виде широкого носа картошкой, искривленного вбок, далеко расположенных, слегка косых глаз и непропорционально больших губ, он не казался мне противным, скорее неуклюжим и крайне забавным.

– Розальд, прошу, достаточно подобных вольностей в моем доме, – произнес мужчина, сидящий во главе стола так, будто хотел заморозить всех присутствующих в комнате. – И, Виктор, пожалуйста, усади уже наших гостей по местам. Оставим представления на потом.

Мой достаточно своевольный отец отчего-то не решился пререкаться, едва ли не склоняя голову в поклоне. Подхватив под руку, он провел меня к высокому деревянному стулу с позолоченной обивкой, обрамленной различными зако-рючками.

– Не стоило ехать туда, где тебе не рады, – донесся до меня низкий голос слева. Он принадлежал Кристиану, которому посчастливилось сидеть со мной по соседству.

В данной и без того королевской атмосфере, Кристиан, с его идеально ровной спиной, уложенными набок волосами и серьезным, скупым на эмоции лицом, выглядел как истинный аристократ. Он не поворачивался ко мне, продолжая смирно сидеть на месте и немного нервно цокать пальцем по стеклу наручных часов. Я сразу же захватила взглядом и его оголенное предплечье, на внутренней стороне которого

красовались сразу две небольшие татуировки – необычный символ и та самая надпись на латинском, встретившая меня на входе.

– Судя по всему, не рад тут только ты, пан, который любит хватать девушек за горло, – съязвила я.

Кристиан на меня даже не посмотрел, лишь плотно сжал челюсть, показывая собственное недовольство.

«*Вот напыщенный идиот*», – подумала, все еще находясь в полном недоумении от происходящего.

– Говорили же – не надо, – шепотом сказал Рафал, сидящий напротив меня, тем самым почти что повторяя реплику собственного брата. На его лице не было нахальной улыбки, которая, казалось, никогда не спадала с губ. Он явно из-за чего-то беспокоился.

– Итак, – произнес мужчина, возглавивший стол, направляя на меня цепкий взгляд впалых темных глаз. – Тереса, мое имя Войцех Роспонд, формально я являюсь сводным братом твоего отца, – эти слова заставили меня улыбнуться. Сводный брат? Ну уж нет, можно сразу внебрачный сын. – Понимаю, ты наверняка об этом не знала. Я достаточно занятой человек, поэтому до этого момента у меня не было времени с тобой познакомиться.

Но это не могло быть правдой. Я знала о бабушке совершенно все, она постоянно мне рассказывала разные истории: о детском доме, военных годах, даже неудачный брак не обошла стороной. Лиззи попросту не могла не рассказать о сы-

не, даже приемном. Да и родители никогда ни о чем подобном не говорили.

– Хорошо, дядя, – иронично произнесла я, забывая о том, что здесь находились еще несколько взрослых. – Так чего вы от меня хотите? Такая официальная встреча, чтобы объявить об этом?

Неужели бабушка действительно мне звонила только ради того, чтобы я узнала о каком-то Войцехе Роспонде? Это не могло уложиться у меня в голове. И почему тогда Рафал и Кристиан так не хотели, чтобы я об этом знала? Мы же все равно не будем являться от этого кровными родственниками.

– Мы собрались, чтобы прочесть завещание Элизабет, дорогая... – неожиданно сказала мама, сидящая с другой стороны от меня.

Я широко распахнула глаза, не веря ее словам. Нет, абсолютно невозможно, ведь я только сегодня говорила с бабушкой; слышала ее такой живой и добрый голос. Ведь я приехала сюда ради нее.

– Неправда, – прошептала я. – Ты просто лгунья.

– Твоя бабушка умерла от сердечного приступа, Тереса, – холодно произнес Войцех, без всякого сожаления продолжая пронизывать меня взглядом. – По правилам все, кто могут претендовать на наследство, должны присутствовать при прочтении завещания.

– Да как вы смеее подобное говорить?! – выкрикнула,

резко поднимаясь на ноги.

Меня кто-то ухватил под руку, кажется, Кристиан, но я сумела вывернуться, стремительными шагами поторопившись к выходу. Меня начало сильно тошнить, а голова, так и не прошедшая с утра, вновь разболелась, пульсацией отдавая в виски. Казалось, что я вот-вот потеряю сознание. Ноги, ставшие ватными, это подтверждали. Свернув куда-то за угол, зашла в самый темный коридор. В нем я позволила себе упасть на пол и заплакать, попутно переводя дыхание. Слезы катились сами по себе, не давая мне и секунды для передышки. Схватившись за собственные волосы, я рыдала, не веря произнесенным ими словам.

– Я ведь разговаривала с ней сегодня... О-она хотела, чтобы я приехала. Так какого черта?! – прокричала в пустоту, чувствуя, как начинаю задыхаться от безмолвной тишины в ответ.

Мой крик раздался гулом по длинному коридору, но тьма, полностью окутывающая помещение, поглощала и меня, не позволяя вывернуться. Я будто так и не проснулась от дневного кошмара. Происходящее являлось каким-то бредом сумасшедшего, не иначе. Голова разболелась еще сильнее, заставляя вымученно прижаться лицом к согнутым коленям.

– Ну и зрелище, – произнес высокий женский голос у меня над головой.

Я рефлекторно подняла глаза, сумев узнать в силуэте ту самую пепельноволосую женщину, сидевшую рядом со

странным неряхой.

– Уходите, – промямлила я.

В ответ она лишь цыкнула и присела рядом со мной на корточки, видимо, чтобы не заляпать белоснежную одежду. В нос ударил сильный аромат специй и леса, как мне показалось, достаточно спорный парфюм для столь утонченной женщины.

– Я вообще-то уговорила никого за тобой не бежать и пообещала, что через десять минут мы прибудем на место, – ее речь была монотонной и сдержанной, а голос, который показался до этого звонким, теперь звучал достаточно тихо и расслабленно, словно она читала сказку перед сном.

Я сощурилась из-за неожиданного света – она зажгла свечу ярко-зеленого цвета.

– Решили поджечь мне волосы? – огрызнулась, поджав ноги сильнее.

Бросив взгляд на лицо женщины, отчетливо ее рассмотрела: смуглая, со слегка прищуренными голубыми глазами, немного приплюснутым миниатюрным ровным носом, большими, без выделенной арки купидона губами, обрамленными ядрено-красной помадой, и острым подбородком. Она определенно являлась невероятно красивой, словно греческой богиней.

– Нет, милочка, – произнесла она и, заправив длинную прядку выующихся пепельных волос за ухо, вытащила небольшое зеркальце. – На, взгляни.

В отражении на меня глядела девушка, с припухлыми от слез глазами, размазанной по всему лицу тушью и покрасневшим носом. Я выглядела отвратительно, даже жалко.

– Я бы посмотрела на вас, когда вы потеряете кого-то очень важного, – произнесла, громко шмыгнув.

Она горько улыбнулась, скептически помотав головой. После чего окончательно уселась рядом со мной, видимо, наплевав на белый наряд.

– Мне уже почти некого терять, – прошептала женщина. – А вот тебе есть кого, и поэтому надо взять себя в руки. Не ради себя, так ради других.

Я не могла с ней не согласиться, но вместо этого начала плакать вновь, все еще не веря в то, что бабушка умерла. Я не видела ее достаточно долго, но безграничная любовь и нежность к Элизабет никуда не делись. Скорее всего, они не исчезнут никогда, однако теперь вместо трепета в сердце от любого момента, проведенного со старушкой, на душу лег тяжелейший груз.

– Я ведь разговаривала с ней сегодня... Я приехала сюда, чтобы повидаться... – лепетала сквозь всхлипы, ощутив, как худощавая рука легла мне на спину. Отчего-то отпрянуть совсем не хотелось, несмотря на то что я видела эту женщину впервые.

– Разговаривала? – задумчиво повторила за мной она. – В любом случае сейчас просто успокойся. Поверь, в дальнейшем тебя ожидает еще много трудностей. Даже слишком.

Ее грубые слова, скорее похожие на приказ, нежели утешение, казались невероятно убедительными. Я без понятия, как это работало, однако едва ощутимые поглаживания по спине обладали каким-то успокоительным эффектом, заставляющим меня переставать плакать.

После ее слов мы так и сидели в тишине какое-то время, возможно, несколько минут, а может, часы. В какой-то момент даже голова, беспрестанно болевшая весь день, стала чистой. Мысли, безграничным потоком укутывающие меня, куда-то развеялись, оставляя за собой белый лист.

– Я знала Элизабет достаточно долго, – неожиданно сказала женщина, обводя пальцами мой позвоночник. – Она была страшно упрямой и той еще стервой, не доверяла никому, вечно устраивала ссоры на ровном месте и пререкалась. Ох, ладно еще со мной... И все же ради своей семьи она была готова на все, особенно ради тебя. Знала бы ты, как Элиза за тебя переживала. И чем пожертвовала.

– Поверьте, знала, – прошептала я, наблюдая за тем, как красиво переливалась зеленым огнем свеча в конце коридора.

– Я это говорю к тому, что ты просто обязана не подвести ее, так что, прошу, оставь слезы для похорон, – тонкие пальцы переместились с моей спины на руку, легонько ее обхватив. – А сейчас идем, или Войцех станет еще противнее, чем обычно.

Она совсем немного меня потянула, а я, совершенно не

сопротивляясь, позволила ей меня поднять, все удивляясь тому, как, будучи на грани нервного срыва, удалось так быстро успокоиться от обычного поглаживания по спине.

– Кто вы вообще такая? – поинтересовалась я, еле перебирая ногами.

– Я? – Она тихонько хихикнула: – Ах, нас же не представили. Меня зовут Тиана. Тиана Альбрехт.

От произнесенного имени по моей коже прошли мурашки. Добрая фея Тиана всегда была моей любимой героиней из бабушкиной сказки. Мне казалось, что она являлась самым важным звеном, ведь без нее у «светлых» не получилось бы заковать тьму на долгие годы.

– Вы и впрямь как фея, – сказала я, не подумав о том, что она вряд ли поймет, к чему это было.

Однако Тиана, наоборот, отчего-то повеселела, озарив меня широкой улыбкой. Я мысленно восхитилась тому, как в женщине могли сочетаться одновременно стальная грубость и порхающая нежность.

– *Не получится, времени почти не осталось. Он поймет,* – услышала я папин голос, эхом разносящийся по коридору.

– *Вы сами виноваты, что не позволили нам забрать ее раньше. Стоит попробовать,* – кажется, данная реплика принадлежала Войцеху.

Я уже наострила уши, пытаясь подслушать как можно больше, но Тиана будто бы специально громко кашлянула, таким образом давая понять, что мы приближаемся. Голоса

сразу же стихли, не позволяя мне разобраться в происходящем.

«Кого они имеют в виду... Неужели меня?» – рассуждала я, пытаясь припомнить, состояли ли мои родители когда-нибудь в какой-то секте, потому что иначе услышанное объяснить было невозможно.

Когда мы вошли в столовую, первое, что я ощутила, – приятное тепло, расходящееся по всему телу. Видимо, за время сидения на прохладном полу я изрядно замерзла, сама того не замечая из-за нахлынувших эмоций. Тиана аккуратно подтолкнула меня к столу. Я немного растеряннo села на отведенное место, успев охватить взглядом только совсем уж пони́кшего Рафала.

– Итак, Тереса, надеюсь, твоим выходкам пришел конец, – монотонно произнес Войцех, смотря куда-то сквозь меня. – Я могу продолжить?

Кротко кивнув, почувствовала волнение, до этого пропавшее вместе с печалью.

Тут явно творилась какая-то неразбериха.

Мужчина поднялся, гордо распрямив широкие плечи. Войцех с его тонким крючковатым носом, выпирающим волевым подбородком, острыми скулами и зализанными в идеальный пучок, только начинающими сидеть черными волосами, словно сошел с картин девятнадцатого века. Определенного шарма ему придавал и элегантный черный костюм с позолоченными пуговицами на пиджаке. Внимательнее его

рассмотрев, я поняла, что и Кристиан, и Рафал чем-то помимо темных глаз на него да похожи.

Роспонд взял конверт, все это время безучастно лежавший пред ним на столе и, не теряя ни минуты, быстро его вскрыл, мельком проходясь глазами по тексту. Казалось, что увиденное его отнюдь не удивило.

– Я, Элизабет Грант, завещаю поместье Роспонд, по праву принадлежащее мне с 1961 года, своей внучке, Тересе Ясецкой, часть доли оставляя под распоряжение старшего сына, Войцеха Роспонда, при этом делая его полноправным владельцем до совершеннолетия Тересы Ясецкой. Также оставленное мною состояние в размере миллиона фунтов стерлингов я отдаю Александру Драгомиру, таким образом напоминая о его клятве любым способом сохранить жизнь моей внучке, – он закончил чтение, напоследок томно вздохнув.

С каждым сказанным словом мне становилось все хуже и хуже. Бабушка была владелицей огромного особняка, при этом ни разу об этом не упоминала, а теперь так просто мне его отдала! Еще и все свое состояние, по которому она оказалась миллионершей, заложила непонятному Драгомиру, который пообещал от чего-то меня обезопасить. Только вот от чего? Выхлопных газов или, может быть, прокисшего молока из школьной столовой?

Я уже хотела возмутиться, как почувствовала на собственной ладони горячую чужую. Она принадлежала Кристиану, продолжавшему непринужденно смотреть куда-то в стену.

Его лицо было невозмутимым, казалось, он и вовсе ничего никуда не клал. Я слегка задумалась на этот счет, все-таки отдернув руку. Он хотел показать этим жестом, что не стоит? Что нужно молчать? В любом случае моей милости Кристиан не дождется.

Он на это раздраженно фыркнул, при этом держа лицо на ура.

– Войцех, друг мой, это все понятно, хотя, признаться, я удивлен, что Александр заключил клятву... – начал Розальд, проглатывая слова так, что часть их становилась неразборчивой.

– Он всегда действовал за нашими спинами! Всегда был на шаг впереди! – перебила его Тиана. – Плевать на него или на дом, где кольцо? Почему в завещании нет гребаного перстня завесы?!

Взглянув на Тиану, я была уверена, что увидела то, как цвет ее глаз из ярко-голубых стал лиловым, спешно расплывающимся по радужке.

– Она про него ничего не написала, и это единственное письмо, – произнес отец, который все это время сидел с другой стороны стола.

– Вот ведь старая карга. Знала ведь, что нельзя было медлить! Я же говорила вам всем выкрасть его, пока не поздно! – не унималась она.

– Успокойтесь, панна Альбрехт, – устало вымолвил Войцех. – Вы слишком много не знаете про нынешний курс дел.

Даже не пробуя выслушать, громко скрипнув стулом, Тиана сделала уверенный разворот на длинных шпильках и маленькими увесистыми шагами покинула помещение.

Слегка отодвинувшись от стола, я планировала рвануть за ней. Тиана определенно знала больше меня и, раз уж она посмела назвать мою бабушку «каргой», наверняка и о Лиззи ей были известны куда большие подробности.

«Возможно, на взводе она и проговорится», – подумала я, поглядывая на Войцеха, который объяснял какую-то чушь, очевидно, взволнованному не меньше Тианы Розальду.

– Даже не думай об этом, – процедил сквозь зубы Кристиан, наконец одарив меня самым злобным, который только имелся у него в арсенале, взглядом.

Его рука оказалась на моем запястье, и на этот раз он схватился так сильно, что, даже захотев, выбраться из «ловушки» я не могла.

– Да отвали уже! – слишком громко крикнула, тем самым обращая на себя внимание всего зала.

Густо краснея, я чуть ли не засмеялась, увидев, как Кристиан сомкнул брови к переносице и широко распахнул глаза. О да, он точно меня возненавидел после этого!

– Кристиан, прошу, – спокойно произнес Войцех, одной фразой заставляя парня мгновенно отпустить меня.

Я, разминая костяшку пальцами, враждебно уставилась на мужчину, который вполне был готов прожечь во мне дыру.

– Не хотите объяснить мне, что здесь происходит? – нако-

нец вымолвила я, смирившись с тем, что разговор с Тианой, похоже, мне не светит. Ох, была бы тут Лекса, она уже давно придумала бы нам план побега!

– Тебе бы объяснили уже все давным-давно, если бы кто-то оставался на месте, а не играл в прятки не на своей территории, – прыснул ядом Кристиан, сидящий с самой кислой миной, которая могла только быть.

– Прекращай, Кристиан, напомню, что ты и сам обо многом не осведомлен, – вновь попросил его Войцех. – К сожалению, во многом благодаря твоей бабушке, тебя водили во-круг да около слишком долго, – обратился он ко мне. – Возможно, все, что тебе предстоит сейчас услышать, покажется полной несусветицей.

Я закатила глаза, думая о том, что и без новой информации все, что сегодня произошло, выглядело как полный бред.

– Ты хорошо ознакомлена со сказкой про вампиров и добрую фею, не так ли? – спросил он и, завидев мой кивок, продолжил: – Так вот, дело в том, что это не сказка, а чистейшая правда. Версия, рассказанная Элизабет, слегка неверна, однако, да, вампиры существуют.

Я молча переводила взгляд то на Рафала, то на маму с папой, даже Розальда не забыла. Абсолютно все сидели с более чем серьезными лицами, никак не раскрывая шутки. Не выдержав, я громко рассмеялась, попутно вставая со своего места.

– Нет, дядюшка, – вновь с иронией выделила я. – Вы несете полную ахинею! Еще скажите, что моя бабушка была злой ведьмой из Белоснежки! – продолжала смеяться, практически складываясь пополам.

– Прекращай... – обеспокоенно произнес Раф, до этого никак не участвующий в разговоре. – Это все не шутки, Ти.

Я на него ошарашенно посмотрела, активно моргая.

– Ну да, а я избранная Серафина! – не унимаясь, все продолжала смеяться.

В какой-то момент мой смех перешел в истерику. Действовавшая до этого «волшебная» рука Тианы потеряла свою силу, заставляя меня вновь расплакаться. Я смеялась, а слезы все лились и лились по щекам. Абсолютно все люди, окружающие меня, сошли с ума! Даже мама, которая отвергала всякого Бога, неожиданно поверила в сказку о свете и тьме.

– Дорогая... – услышала я отцовский голос над моим ухом. Я подняла голову, размыто наблюдая за тем, как папа нежно, почти невесомо целует меня в висок.

Он никогда меня не целовал, даже когда я была совсем маленькой, даже когда я упала с велосипеда и сломала руку в двух местах. Виктор всегда оставался равнодушным ко мне, но поцеловал сейчас. Я хотела его оттолкнуть... Но отчего-то ослабела, чувствуя, как вот-вот потеряю сознание. Еще мгновение, и я упала на что-то мягкое. Резко нахлынувшая головная боль снова заставила меня сильно зажмуриться.

– Что вы с ней сделали?! – слышался возглас Рафала перед тем, как меня окутала тьма.

3. Энергетический вампи́р и могила

1948 год. Франция. Париж

Каблуки, которые любезно дала поносить мадам Жансен, были мне слишком велики, из-за чего я едва могла передвигать ногами, не выходя, как трехлетний ребенок в маминых туфлях. На входе в офисный центр меня ожидал сгорбленный старичок. Он очень усердно махал рукой, как бы привлекая к себе.

– Bonjour mademoiselle¹, – поприветствовал меня мужчина, аккуратно проведя шершавыми пальцами по моей ладони. – Извольте, я вас проведу, – на ломаном английском произнес он.

Я натянула самую обворожительную улыбку и легонько кивнула так, как меня и учила когда-то давно миссис Смит во время уроков по этикету. Открыв внушающих размеров дверь, старик сделал жест рукой, позволяющий мне пройти вперед, что я, собственно, и сделала.

– Признаться, на наше объявление мало кто клюет, – весело начал мужчина, ведя меня по замысловатой лестнице. – Все думают, видимо, что мы – шар-р-рлатаны, – вытянуто, как и подобает французу, сказал он.

¹ Здравствуйте, мадемуазель (фр.).

– Ну, полагаю, что эти люди не так сильно нуждаются в деньгах, – хмыкнула я.

Странная брошюра попала мне в руки два дня назад совершенно случайно я, убирая дом мадам Жансен, обнаружила ее под ножкой плетеного кресла. Текст в ней был немногословен, всего пара предложений, гласивших о том, что за приличную, даже по меркам богачей, сумму надо всего-то поучаствовать в каком-то «энергозатратном» представлении.

Безусловно, первой мыслью было то, что это развод. Но жизнь, состоящая из вечного мытья полов у высокомерных господ, которые мало того что платили копейки, так еще иногда давали гораздо меньше, чем обещано, заставила согласиться. И вот, в первый же свой выходной, я шла в кабинет к заказчику сего представления в единственном своем парадном черном платье.

– Сию минуту, *mademoiselle*², – произнес старик, останавливаясь у большой деревянной двери.

Он пару раз постучал, после быстро заходя внутрь. Мне лишь краешком глаз удалось зацепиться за горящий необычайно красивым изумрудным цветом камин.

Долго ждать не пришлось, хотя из-за неудобной обуви для меня даже минута казалась целым часом. Я совершенно не понимала, как можно носить каблуки каждый день, еще и на такой высокой шпильке. Эти элегантные «*madame*» с глян-

² Мадемуазель (*фр.*).

цевых обложек явно были еще теми извращениями.

– Проходите, – старик подтолкнул меня вперед, а сам остался стоять снаружи.

Я, успев разве что пригладить пушистые от влаги волосы, торопливо зашла внутрь. Помещение, которое едва можно было назвать кабинетом, оказалось достаточно просторным и мрачным. Единственным источником света служил тот самый камин, находящийся в левом углу комнаты. Повсюду висели разные картины в красивых, наверняка дорогих рамках. В самой середине же находилось два черных кожаных кресла, в одном из которых восседал мужчина, одетый в строгий темный костюм и узкую шляпу, являющуюся пискom моды в этом году.

– Присаживайтесь, – любезно произнес он, похлопав рукой по обивке.

Я, нелепо покачиваясь из-за треклятых туфель, поторопилась занять свое место.

– Итак, Элизабет?

– Верно.

Мой ответ прозвучал неуверенно. Мало того что я нервничала, находясь в совершенно непривычной для себя, чрезмерно вычурной атмосфере, так еще и невозможность увидеть лицо собеседника из-за тусклого света сильно давила на состояние.

– Как вам Поль? Он учтиво с вами обходился?

– Он был очень мил, – промямлила я, посчитав, что под

Полюс мужчина имел в виду того старичка.

Между и без того натянутым разговором возникла долгая пауза, заполняемая только треском дров в камине. Я нервно потерла руки, мысленно поругавшись, что не успела выпить ромашкового чая перед приездом.

– Сколько вам сейчас?

– Пятнадцать, – неуверенно ответила я, сомневаясь, что вопрос был про возраст.

– Вы уверены, что хотите приниматься за эту работу, Элизабет? Назад дороги уже не будет.

Я скептически повела бровью. Работа для таких денег казалась наилегчайшей.

– Думаю, мне хватит сил, чтобы разыграть сценку.

– Ох, – он приподнял голову. – Прошу извинить, кажется, объявление вышло не совсем понятным. Вам не нужно участвовать в спектакле, Элизабет. – Мужчина поднялся, поставив стакан с, кажется, виски на стол. – Из вас буквально высосут энергию. – Я и не заметила, как он успел переместиться ко мне за спину и крепко схватить за плечи, заставляя поежиться.

По телу прошлись мурашки. Мысленно я считала до трех, чтобы успокоиться.

Ситуация казалась мне необъяснимо жуткой.

– Что вы имеете в виду? – прошептала я, ощущая, как он ледяными пальцами проводит по моей ключице.

Мужчина мне не ответил, вместо этого плавным движе-

нием схватил за подбородок и запрокинул мою голову назад. Последнее, что я успела разглядеть, – полностью черные глаза, заглядывающие прямо в душу.

Тот день разделил мою жизнь на до и после. Я познакомилась с миром с совершенно другой стороны. С миром, в котором существовали похожие на нас, но совершенно другие существа. С миром, который полностью изменил мою последующую судьбу. В тот день я познакомилась с Александром, заставившим меня поверить в сказку.

* * *

Наше время. Польша. Винецбург

Первой моей мыслью, когда я раскрыла глаза, было: *«Просто очередной кошмар»*. Но реальность быстро поставила все на свои места. Кровать слишком широкая и мягкая, на потолке – цветная лепнина, полностью опровергавшая мое предположение. Я однозначно находилась в поместье.

Неторопливо поднявшись, обнаружила, что нахожусь в королевских размеров спальне, обставленной позолоченной мебелью и всяким антиквариатом. Подойдя к зеркальному шкафу, увидела перед собой вполне себе бодрую девушку. Словно прошлый день был самым обычным буднем.

«И что это было?» – подумала, продолжая красоваться перед зеркалом. Я была одета в очевидно чужую шелковую пижаму, сильно сковывающую движения. По размеру она

мне совершенно не подходила, хоть и являлась девичьей.

В голову полезли воспоминания о бурной ночи. Вначале – бабушка и завещание, затем – какая-то чушь о потустороннем мире. Глаза вновь начали становиться предательски стеклянными; разглядывание себя в зеркале же, равное проявлению жалости в трехкратном размере, еще больше усиливало желание расплакаться. Моей любимой бабушки больше нет, а я даже не успела с ней попрощаться. Вместе с грустью пришла и злость. Лиззи скрывала от меня так много, при этом каждый раз делая вид, что я все знаю, что она – открытая книга, которую я могла бы в любой момент прочесть.

Если так подумать, за вчера я узнала, что мне лгали абсолютно все. Даже мама, никогда не забывавшая мне рассказать про очередную интрижку ее сотрудницы, все равно умолчала обо всем, включая треклятое поместье, которое, кстати, теперь по праву принадлежало мне.

– Мисс идиотка, которой все ввали в лицо, зато имеющая огромный дом! – скривила себе негодующую гримасу, таким образом пытаюсь поднять настроение. Этого, правда, не получилось, зато я окончательно проснулась, наконец подмечая, что и знатно потрепанный макияж мне тоже смыли.

– То, что идиотка – это точно. – Я вздрогнула от неожиданного возникшего Кристиана за моей спиной. Когда он вообще успел зайти? – Или, по крайней мере, неуравновешенная, потому что я еще не видел адекватных, которые разговаривают сами с собой.

Он возвышался передо мной в зеркале, с явной насмешкой заглядывая своими глазами в мои.

– Задира, – покраснела я, рефлекторно скрещивая руки на груди. И нет, ночная рубашка все хорошо прикрывала, но все-таки перед парнем, которого знала несколько часов, я была не готова представлять в таком виде.

Развернувшись на пятках, я разглядела его с ног до головы. Кристиан выглядел как с иголки: идеально натертые гелем лаковые туфли, строгий белый костюм с длинным, очень чудным пиджаком и элегантно зачесанные назад выющиеся волосы. Да, он определенно не уступал в красоте брату, если не превосходил.

– Куда так вырядился? Жениться собрался? – усмехнулась я, довольно замечая, как тот сильно нахмурился.

Конечно, заклятыми врагами мы еще не стали, однако я чувствовала, что каждое мое движение или замечание безумно его раздражало. Впрочем, мне он тоже не особо нравился.

«Смазливый лицом паршивый характер никак не скроешь», – как-то раз сказала мне Лекса после очередной их ссоры с Феликсом. И в этом я с подругой была полностью согласна.

– Я только с учебы вернулся, – задумчиво произнес он и после добавил: – Знаешь ли, меня самого не особо радует, что меня оставили тебе в няньки. Но Рафу с его успеваемостью пропускать нельзя, а вот у меня подобных проблем нет.

Я удивленно приподняла бровь, наверняка слишком глупо на него уставившись. Во-первых, с каких пор в школу ходят в таких нарядах? Во-вторых, какие еще такие «няньки»?

Неожиданно я поняла, что из-за мыслей про бабушку и обиды на всех вокруг забыла самое главное. Точнее, помнила, но мой мозг решил полностью отрицать произошедшее, откидывая на задний план.

– Слушай, а что там твой папа говорил про то, что сказка – не сказка, а вы – не люди? – должно быть, это прозвучало очень по-детски, но по-другому сформулировать мне не удалось, как бы ни пыталась.

Кристиан хитро улыбнулся, кажется, впервые за время моего нахождения в поместье, после неожиданно схватил меня за руку и потянул к выходу.

– Эй, куда?! Ответь на вопрос! – пыталась вырваться я. – Серьезно, это у тебя привычка такая – хватать людей за руки?

– Просто иначе ты начнешь выкаблучиваться еще больше, – с насмешкой произнес он, а я мысленно подметила, что сленг из его уст звучит уж очень нелепо. – И, кстати, не папа. Дядя.

Я невольно возмутилась тому, что Роспонд поправить меня насчет своих родственных связей не забыл, а вот от ответа на вопрос увернулся.

За дверью нас поджидала та самая девушка, которая сопровождала меня вчера. Из-за слишком большого количе-

ства событий из моей головы совершенно выпало, как ее звали.

– Госпожа, вы наконец проснулись? Ох, и господин Респонд здесь, позвольте, я вас проведу, – тихо произнесла она, совершенно не замечая, что ситуацией я была очень недовольна.

– Спасибо, Василиса, – вежливо ответил ей Кристиан, продолжая держать меня под локоть.

Как оказалось, мы были на третьем этаже. Огибая длинный коридор, я увидела через лестничные перила уже известный мне холл, вымощенный невероятно красивым мраморным полом, через который я и вошла внутрь дома. На стенах, оклеенных золотыми с переливами обоями, висели портреты неизвестных мне людей.

– Кто они такие? – спросила я, с интересом разглядывая каждое лицо. Историю я знала хорошо, даже слишком, оттого и смутилась.

– О, госпожа, смотря кого вы имеете в виду, – начала Василиса. – Например, вот это, – легким движением руки она указала на портрет статной рыжеволосой девушки, одетой в платье эпохи Возрождения, – Анастасия Гавронская, известная на весь мир красная фея, трагично погибшая во время последнего ослабления завесы.

Я ошарашенно на нее зыркнула, слегка притормаживая шаг, правда, сделать этого мне не позволил Кристиан, продолжающий крепко, в какой-то степени больно, удерживать

меня мертвой хваткой.

– Фея?

– А кто еще, госпожа? – удивленно захлопала длинными ресницами Василиса. – Ох, вам еще не рассказали! – пролепетала она, виновато поглядывая на Кристиана.

Либо они подговорили и дворецких, либо я уже не могла найти оправдания данной ситуации. Ну правда звучало смешно: мой вечно хмурый отец и ненавидящая его мать решили устроить самый странный розыгрыш, при этом за чем-то подкупив на это семью Рафала, а вместе с ними и всех слуг поместья. Ах да, еще они заставили какую-то женщину представиться Тианой и обучили странной психологической методике, позволяющей успокаивать человека, находящегося на грани нервного срыва, одним движением руки. Да уж, чем больше я об этом размышляла, тем сильнее приходилось сомневаться в собственных убеждениях.

– Осторожно! – взволнованно произнес Кристиан, по инерции подхватывая меня за спину.

Я, испугавшаяся от такого резкого крика над головой, заторможенно осознала, что чуть не упала с лестницы, которую из-за собственных раздумий совсем не заметила.

– Справлюсь, – огрызнулась, наконец сумев вывернуться из хватки. – Так куда мы идем?

– Завтракать, – пожал плечами Кристиан, заставляя меня нахмуриться еще сильнее. – По идее, ты должна быть голодна, а время уже к полудню.

То есть вся эта загадочность и хватание и без того бедных девушек за руки было ради того, чтобы спуститься поесть? Замечательно! Я ускорила шаг, таким образом пытаюсь показать, что идти рядом с Кристианом не намерена. К моему облегчению, никаких попыток опять меня схватить он не предпринял.

– Нам налево, – спокойно сказала дворецкая, заметив, что я собиралась свернуть не в ту сторону.

– Вчера мы были на первом этаже, – пробормотала я, решая идти позади Василисы.

– Во-первых, не вчера, а четыре дня назад, – вмешался Кристиан, к моему сожалению, вновь оказавшийся рядом со мной. Как он вообще мог так бесшумно передвигаться? – Во-вторых, мы были в зале для переговоров, а не в столовой, глупышка. – На его щеках заиграли веселые ямочки. Видимо, чувствовать себя умнее меня ему безумно нравилось.

– Четыре дня?! Но как так... – я была удивлена настолько, что пропустила его вторую реплику мимо ушей.

Да, я действительно чувствовала себя будто заново перерожденной, а мне, особенно учитывая ситуацию, было это совершенно несвойственно. Но как человек вообще мог проспать такое большое количество времени?

– Если я сейчас начну все объяснять, ты опять взбесишься и устроишь скандал, панна неустойчивое настроение, – продолжал с усмешкой говорить он, сверху вниз разглядывая мое раскрасневшееся лицо. – Поэтому давай обсудим все

наущные дела за едой. Наберешься там сил, энергии... – последнее слово он выделил особенно сильно.

Я хотела ему ответить что-то вроде: *«Происходящее требует объяснений именно сейчас»*, но мы, как назло, обогнув овальный арочный проход, зашли, по-видимому, в ту самую столовую. Она отличалась от остальных комнат удивительно современным интерьером. Если весь остальной дом был сделан исключительно в золотисто-темных тонах, то в этой комнате белым являлось абсолютно все, начиная от подсвечников, заканчивая небольшим стеклянным столиком, находящимся в самом центре.

Такой минималистичный дизайн, хоть мне и нравился гораздо больше вычурных узоров, от которых уже знатно начинала болеть голова, все равно сюда совершенно не вписывался, отчего планировка комнаты становилась мне более чем непонятной.

– Мы находимся в северном крыле, – увидел мое замешательство Кристиан, уже усевшийся на навверняка мягкий кожаный диван. – Оно предназначается для белых фей, из-за чего такие перемены в интерьере. – Увидев, что на моем лице все еще застыла гримаса недоумения, Роспонд махнул рукой: – Ох, да чего я распинаюсь? Все равно ничего не поймешь.

С этим было тяжело не согласиться, и я, решая в этот раз повести себя как истинная леди и не отвечать очередной колкостью, просто села напротив него, неосознанно начиная

тревожно теребить шелковый рукав пальцами. Не прошло и пары минут, как в помещение заявили сразу две молодые, удивительно похожие на Василису, девушки, отличные разве что одетыми поверх белых платьиц фартуками. В руках каждая несла по два подноса с самыми различными вкусами. Они поклонились, а я невольно ахнула, замечая, что еда в буквальном смысле летела на стол, поочередно его заполняя.

– Приятного аппетита, госпожа, – в хор произнесли обе, так же быстро удаляясь, как и появились.

Я принялась разглядывать принесенные вкусы: блинчики, политые медом; яичница; овсянка; тирамису и даже яйца бенедикт. Нерешительно подвинув к себе одну из тарелок, заметила, что Кристиан уже за обе щеки уплетал, кажется, оладьи, обмазанные черничным джемом.

– Какие-то проблемы? – спросил он, отхлебывая небольшой глоточек ароматного кофе.

Вначале нерешительно пожав плечами, я все-таки сумела проглотить хоть и невероятно вкусный, но совершенно неуместный кусок блинчика. Трапезничать в сложившейся ситуации совсем не хотелось.

«Удивительно, учитывая, что я не ела четыре дня...» – подумалось мне.

После же, совсем не терпя лишь нагнетающую обстановку тишину, я громко прокашлялась, наконец посмотрев на Кристиана.

– Рассказывай уже.

– Что именно?

– Ох, ну не знаю, может, начнешь с того момента, что тут вообще происходит, а закончишь тем, почему я проспала четыре дня?! – возмущенно начала я. – Ах да, еще напomini мне, куда все подевались и почему остался здесь именно ты?

Я испепеляла его взглядом, показывая тем самым, что за ответы готова вступить и в драку. Кристиан лишь самодовольно откинулся на спинку дивана, из-под приоткрытых век продолжая насмешливо меня разглядывать.

– Какие мы дерзкие, – наигранно произнес он, проводя рукой по завивающимся на концах волосам. – Даже не знаю, что мне за это будет?

Раскрыв до невероятных размеров рот, я с минуту ускоренно моргала, не веря сказанным мне словам. Резкий порыв гнева нахлынул на меня. Я снова схватила вилку и, опершись на стол так, что он начал пошатываться, направила ее к лицу Кристиана.

– Ты обещал, что все расскажешь... И вообще, быстро отвечай! – приказала я, уверенно держа вилку где-то в районе его носа.

Роспонд рассмеялся, за одно мгновение оказываясь сидящим рядом со мной. Не успела я сделать и вдоха, как он схватил со стола нож и приставил его к моей шее.

– К-как?.. – выдавила из себя, чувствуя, что от прикосновения холодного металла кожа начала покрываться мураш-

ками.

– Все предельно просто, Ти, – сказал он, изображая Рафаэля. – Я – энергетический вампир, правда, мы себя называем просто «светлыми».

Он положил нож на место, наконец переводя цепкий взгляд с меня на соседнюю стену.

– Видишь эту картину? – Кристиан кивнул, обращая мое внимание на огромный холст.

На нем были изображены люди, если так можно было назвать существ с искрящимися желтыми глазами. Они стояли на коленях, словно в мольбе, а в небе возвышалась белокурая девушка, излучающая свет всем телом.

– Серафина, – догадалась я, с интересом разглядывая картину.

Бабушка обожала мне рассказывать ту часть истории, где Серафина, посланная с небес, впервые предстала перед Ксандром и его соратниками, поэтому происходящее на картине быстро сложилось у меня в единый пазл.

– Какая смышленная, – кивнул Кристиан, указывая пальцем на мужчину, сидящего на краю горы. – А это – Ксандр. Самый первый «светлый». Он нас породил.

Кристиан замолк, словно позволяя переварить мне сказанную им информацию. Отрицать сверхъестественную скорость Роспонда или магическим образом парящие в воздухе блюда было глупо. Поэтому я быстро повернулась к нему, ожидая продолжения.

– Мы, светлые, высшая раса. Мы контролируем разум человека, его жизненные успехи, взамен требуя лишь капельку энергии.

– Энергии? И как вы все контролируете? Вы что-то типа богов?

– Боги... Как примитивно, – поморщился он. – Нет, мы лишь проводим волю Создателя к людям. У нас есть отдельные центры, отвечающие за то или иное событие. Мы, в отличие от ваших богов, не способны уследить за каждым человеком и отвечаем только за глобальные вещи. И то следим мы не за всеми, а только за теми, кто заключил эксклюзивные контракты. И да, в отличие от низшей расы вампиров, которых называют «темными», мы отказались от пропитания кровью, то есть причинения физического страдания человеку. Мы питаемся энергией, эмоциями, – он щелкнул пальцами, и Василиса, которая, судя по всему, все это время находилась в комнате, положила на стол толстую, знатно потрепанную книгу без названия.

Словно заранее знающий, какую страницу нужно открыть, Кристиан остановился ровно на семьдесят девятой. На ней красовалась огромная надпись на неизвестном мне языке, под которой расположились три красивых рисунка.

– У нас есть своя иерархия. Высшие «светлые» – четыре семьи верховных. Это румынские Драгомиры, французские Бернары, английские Смиты и, наконец, мы – польские Роспонды. Высшие способны питаться любой энергией, от-

рицательной или положительной, по принуждению или нет. Мы можем истощить человека вплоть до скорой смерти, но это, кстати говоря, запрещено, — он указал на первый рисунок. На нем был изображен статный темноволосый мужчина, держащий в руке кольцо с синим камнем внутри.

— Это тоже Ксандр? — спросила я, мысленно удивляясь тому, насколько спокойным был мой голос.

— Да, первый потомок Драгомиров. А в руке у него перстень, при помощи которого Тиана отделила нас от «темных». — Кристиан выглядел страшно довольным, словно одна фамилия вызывала в нем огромные восхищение и гордость. Прокашлявшись, он продолжил: — Самый распространенный класс светлых — несущие, или служащие. Они могут питаться только с разрешения «сосуда», то есть человека, и не могут пожирать отрицательную энергию, исключительно положительную, — он указал на девушку, в руках которой был зеленый клубочек. — И последний — гибриды, полукровки, или просто гиповампы. Смешанная кровь, как и вампиров, так и ведьм или фей, бывает, что и людей. Их очень мало, потому что межвидовое размножение запрещено законом и карается небытием.

— Небытием? То есть смертью?

— Нет, мы, светлые, не бессмертны, в отличие от темных, однако и не умираем, как обычные люди. Мы попадаем в безвременье, так называемое небытие. По крайней мере, так написано в трактатах. Подобно людям, нам не дано знать на-

верняка о жизни после смерти.

– И что это? – недоуменно спросила я, не совсем понимая, чем «вампирическая» смерть отличалась от обычной.

– Это неважно, – замотал головой Кристиан, раздражаясь от моего чрезмерного любопытства.

Я на это лишь закатила глаза, ожидая продолжения рассказа. Несмотря на весь скептицизм ко всей ситуации, от всего, что говорил Кристиан, я чувствовала невероятную легкость, словно вновь попала в те времена, когда бабушка мне рассказывала сказки перед сном.

– Еще есть феи, у которых имеется два вида – красные и белые. Красные, или феи диких земель, обладают так называемой чуйкой. Одним прикосновением они могут узнать о человеке или об ином другом существе абсолютно все, что и делает их достаточно опасными. Они способны копаться в чужих воспоминаниях и менять их под себя. В отличие от нас, воинов по большей части, красные феи являются центром информации, хотя им подвластно две стихии – огонь и земля.

Я неожиданно вспомнила странного Розальда и то, как он ни с того ни с сего прикоснулся ладонью к моему лбу. Наверняка причудливый неумеха являлся красной феей!

– Белые феи могут чувствовать эмоции людей. Также они обладают телекинезом и на уровне вибраций способны вводить человека в то или иное настроение. Их стихиями являются вода и воздух.

– А Тиана?..

– Да, та самая из легенды и действующая королева белых фей. Впрочем, белыми феями являются и все слуги этого дома.

– Почему феи прислуживают вам? – с интересом спросила, припоминая, что все, начиная от Василисы, заканчивая кухарками, внешне были и впрямь очень похожи с Тианой.

– Слишком много вопросов... Если коротко, наша семья оказала определенную услугу королеве белых фей, – пробурчал Кристиан, продолжая дальше листать книгу, пока не остановился на изображении угрюмой женщины преклонных лет. Основной ее особенностью был донельзя хмурый взгляд и амулет в виде руны, который я уже когда-то видела на своем отце. – Ведьмы или ведьмаки, в зависимости от пола. По сути, по силе никто из них особо не отличается. Просто есть более талантливые и менее... Пожалуй, единственные из перечисленных, кто, совершенно не стесняясь, заводят отношения с людьми, да и в целом с кем ни попадя. – Он брезгливо поморщился, на что я иронично закатила глаза. – Наверное, с ведьмами у тебя проблем не возникнет, так как по большей части они ничем не отличаются от того, что ты видела в фильмах. Тоже колдуют, делают всякие обереги, могут проклясть, например. – Кристиан задумался, заостряя челюсть. – Если честно, ведьмы всегда держались особняком от всех остальных, так что я мало что о них знаю, кроме общеизвестных фактов... А, да, есть определенные ведьмин-

ские семьи, у которых контракт с высшими светлыми. Образно говоря, ведьму или ведьмака в раннем возрасте обещают одному из четырех главенствующих семей. Твой отец служит Войцеху, например.

От услышанного мои глаза полезли на лоб. Мой папа – ведьма?! Ой, нет, ведьмак! В любом случае звучало как то, с чем примириться мне будет очень сложно.

– Получается, раз он... Э-э... Ведьмак, то тогда я – тоже? – спросила, думая о том, что наконец подошла к сути. – И почему они заводят отношения с другими видами, если это карается казнью?

Кристиан меня строго оглядел, позволяя себе пропустить тихий смешок.

– Какая ты наивная! Стали бы такие серьезные особы с тобой нянчиться, будь ты обычной ведьмой? А касаясь отношений... По миру очень много ведьм, которые и не знают о нашем мире вовсе либо не хотят иметь ничего общего со светлыми. Поэтому с людьми им воспроизводить потомство разрешено, но на фей или вампиров все равно стоит запрет, которым порой они пренебрегают.

– Ну, тогда кто? – недоуменно уставилась на него я. – Поймай, а кто моя мама?

– Человек, самый обычный человек, как и бабушка. Дело не совсем в родстве... – он будто бы пытался подобрать нужные слова, но ничего дельного так и не сумев придумать, резко закрыл книгу. – Так, думаю на сегодня экскурс пора

заканчивать, я и без того был не обязан это все болтать.

Одним махом Кристиан оказался в проходе, видимо, решая оставить меня одну. Все еще пораженная его невероятной скоростью и рассказом, я не знала, что делать. Не оставалось ничего, кроме как проглотить гордость и прокричать ему вслед:

– Постой, а где все остальные? И как же темные? И где вы прячетесь? У вас, наверное, есть свой мир! – В голове было слишком много вопросов, ответы на которые, к сожалению, я так и не нашла, а единственным источником информации являлся Кристиан собственной персоной.

– Темные – примитивные существа, боящиеся дневного света и питающиеся человеческой кровью, хоть и сверхъестественные способности у них схожи с нашими, – ответил он, затем добавляя: – Слушай, я не записывался в учителя, меня просто попросили проследить, чтобы ты никуда не улизнула, – холодно произнес Роспанд, на короткое мгновение оборачиваясь ко мне.

Он недовольно поджал тонкие губы и посмотрел выразительно-черными глазами, полными презрения. Тогда у меня появился еще один вопрос. Безусловно, неприязнь между нами появилась еще с первой встречи. Но что произошло? Что он мог узнать такого за время моего отсутствия, от чего даже мой голос приводил его в бешенство?

– Ты меня ненавидишь? – тихо спросила я, рефлекторно сжавшись от неприкрытой ничем неприязни.

– Просто не понимаю, почему именно ты... – прошептал он, а когда я моргнула, в проходе уже никого не было.

Кристиан оставил меня одну, зная, что после услышанного я никуда не сбегу.

В телефоне, на котором я бесконечно пыталась словить хоть какую-то связь, время отметилось как: «16:30». С учетом того, что, когда в руки впервые был взят мобильник, наступил полдень, получалось, я более четырех часов болталась по особняку без дела.

Точнее, как поначалу, смятенная резким исчезновением Кристиана, который сам до этого обозначил себя «нянькой», я все-таки плотно позавтракала, решая, что еда – лучший источник избавления от стресса. Затем попыталась выяснить побольше от Василисы, но та, на удивление, хоть и выглядела наивной, оказалась крайне несговорчивой. Дворецкая постоянно увиливала от ответа, как бы давая мне понять, что от нее больше, чем от Кристиана, я не услышу. Единственное, что она мне рассказала, – тайна татуировки Кристиана. Как оказалось, та фраза: «*Имя – знамение*» – была чем-то вроде фирменного слогана семьи Роспонд, обозначающая тот факт, что они из высшей семьи и очень этим гордятся. Однако этой информации мне катастрофически не хватило, поэтому, совсем отчаявшись, я принялась исследовать особняк, в надежде найти хоть какие-то зацепки. И тут меня постигла неудача: почти все двери было намертво закрыты, а в тех комнатах, доступ к которым получить мне все-таки уда-

лось, ничего интересного или хотя бы Роспонда так и не обнаружила. В итоге мне ничего не оставалось, как вернуться в комнату и играть в бесконечную аркаду на телефоне.

«*Может, он куда-то уехал?*» – думала я, с уже опухшими от яркости экрана глазами, продолжая собирать ягодки в «три в ряд».

Алексе было не написать все еще из-за отсутствия связи. План побега тоже, хоть я и приняла решение не уезжать, пока со всем не разберусь, отметить со счетов не стала. И тут очередная проблема. Первое – мама уехала на машине, а значит, единственным вариантом выехать из загородного дома было такси; тут выявлялось второе – интернет отсутствовал, значит, водитель на желтой машине мне тоже не светил.

Еще ненадолго залипнув в телефон, отложила его на край и уверенно поднялась на ноги.

– Так дело не пойдет! – решительно заявила сама себе, одновременно рассматривая короткое розовое платье с длинными свободными рукавами, в которое мне дала переодеться Василиса сразу после напряженного завтрака. Я быстро вышла из комнаты, не давая дворецкой и шанса за мной увязаться.

– Г-госпожа, куда вы? – растерянно произнесла Василиса, переходя на бег, чтобы меня нагнать.

– Искать Кристиана, что еще мне остается-то? Ты же мне ничего не рассказываешь! – недовольно ответила я, интуитивно спускаясь на второй этаж.

Не мог же он уйти? Конечно, он создавал впечатление уверенного в себе парня, но нельзя же настолько быть мнительным, чтобы решить, что я на все сто процентов не покину территорию. За этой мыслью появилась и неожиданная идея.

– Пойдите, госпожа. Господин Роспонд занят, – оправдывала его девушка. – Как только у него будет время, я уверена, он сразу же вас навестит!

Я ее проигнорировала и, обогнув второй ярус, перешла на первый этаж, вновь ступая по идеально вымытому мраморному полу. Честно говоря, я не была уверена, что фея мне ничего не может сделать, ведь благодаря кое-кому мне удалось узнать самый мизер из всей информации, однако оставалось только надеяться на то, что она не имела права нанести мне какой-либо вред.

– Госпожа, я бы не стал этого делать, – миролюбиво произнес, кажется, Флориан, также «любезно» преграждая собой парадную дверь.

Я недовольно поджала губы, сердито на него зыркнув. Ситуация являлась критичной... Выйти из дома мне было катастрофически необходимо. Разумеется, не для того, чтобы подышать свежим воздухом.

– Вы же не хотите, чтобы я, наследница этого поместья, нажаловалась вашим хозяевам о непослушании? – грозно заявила, совершенно не уверенная, что это вообще сработает.

Он заметно напрягся, рассматривая меня широкими голубыми глазами, как впервые. Наверняка пытался понять,

что я сейчас чувствую. Что же, кроме злости вы ничего не увидите, уважаемый дворецкий. Недолго думая, он все-таки отступил с прохода, давая мне пройти. Я самодовольно кивнула, наконец ощущая на коже едва уловимый поток ветра, играющий с подолом платья.

Не успела пройти и нескольких метров, как уперлась в чью-то крепкую грудь. Конечно, подобно нашей первой встрече, этим «кем-то» оказался Кристиан. Он, насупив брови, недовольно рассматривал меня с высоты собственного роста.

– Получилось, – победно произнесла я, подвергая себя самому изощренному виду пыток, а именно игре в гляделки с членом семьи Роспонд.

– Ну да, спустя почти весь день кое-кто надоумился выйти во двор, – его лицо смягчилось, приобретая уже привычный отрешенный вид. – Кстати, если вдруг решишь пройтись до города пешком. – Кристиан меня осмотрел с ног до головы, особенно заостряя внимание на обуви. Кажется, из-за того, что я все делала впопыхах, сменить розовые тапочки на кроссовки, которые не видела с того самого вечера, времени у меня не нашлось. – Знай, что на него наложено заклинание, за счет которого ты даже ногой на противоположную сторону ступить не сможешь.

Я демонстративно закатила глаза, показывая, что у меня подобных мыслей не возникало вовсе.

– Говоря про отца... Где все остальные, умник? Или ты

разговаривать умеешь обо всем, кроме важного? И вообще какого лешего ты ушел непонятно куда? В прятки захотелось поиграть, что ли? – Я уже поняла, что в нахальном тоне с ним разговаривать гораздо легче, чем в спокойном. Да и отвечал он на мои колкие примечания гораздо резвее.

Кристиан развернулся ко мне спиной и пошел в сторону сада, который я до этого не замечала. Поняв, что, желай он от меня избавиться, давно применил бы вампирскую скорость, торопливыми шагами принялась его нагонять.

– У меня были дела, совершенно тебя не касающиеся. Раф в академии, должен вернуться к вечеру, – начал Кристиан, а я только сейчас заметила, что из строгого костюма он успел переодеться в обтягивающую талию черную футболку и спортивные шорты. Сама поеживаясь от осеннего холодного ветра, я невольно задалась вопросом, чувствуют ли светлые смену температур? – Дядя с Виктором на каком-то важном совещании. Тебе всех перечислять, не пойму? – спросил наконец сбавляя темп, тем самым позволяя запыхавшейся мне подойти к нему вплотную.

– А мама, где мама? – поинтересовалась, решая, что исчезновение королевы фей и Розальда меня никак не колыхнет.

– Понятия не имею. Виктор отправил ее домой, а там тебе уже виднее, чем Иренка занимается в пять часов вечера.

Я охотно закивала, припоминая, что мама – обычный человек. Как и бабушка... Любимая Лиззи, из-за которой, судя

по всему, вся эта каша и заварилась.

Мы подошли к зеленой ограде, отделяющей от основной территории сад, больше похожий на какой-то жуткий лабиринт. Я мысленно ужаснулась, замечая, что именно над этим местом сгустился жуткий туман. А если я настолько надоела Кристиану, что он решил меня прикончить? Как никак Роспонд сам сказал, что я произвожу слишком много шума...

– У нас нет отдельного мира, – неожиданно решил ответить на мой утренний вопрос Кристиан. – По сути, абсолютно все здания или инфраструктура лежат на поверхности, просто люди не видят ничего из-за узкого кругозора и чар. Во многих лесах или горах живут феи, а мы обитаем в самых обычных городах. Забавно, правда?

– Наверное, – задумчиво произнесла я, думая о том, что мне было бы до смерти интересно увидеть хоть один сказочный домик или побывать в лесах, заселенных феями.

– Наш дом тоже скрыт от людских глаз, так что, например, даже если твоя мама захочет вернуться, она все равно не сможет, пока мы не позволим.

Почему-то меня эта новость совершенно не удивила. Впрочем, после того как я узнала о существовании фей, вампиров и прочих, поразить меня чем-то будет действительно проблематично.

– Так как академии, центры, министерства или другие важные для нас места находятся в разных частях света, у всех светлых имеется изготовленное белыми феями специальное

кольцо. — Он покрутил пальцами перед моим лицом, показывая массивный перстень с красивым рубином. — В камне заложены чары, основанные на их способности к телекинезу. Сосредотачиваясь на определенном месте и передавая частичку энергии в камень, мы как бы телепортируемся туда.

Еле сумев побороть в себе желание схватить Кристиана за руку, чтобы рассмотреть таинственное кольцо со всех сторон, я кратко кивнула, ожидая, что он, пораженный моим умением слушать, продолжит свой рассказ. Однако, к моему огорчению, Роспонд замолчал. Я обернулась назад, нервно замечая, что проход из высоких конусообразных кустов, которым мы пришли сюда, затягивался по ходу нашего продвижения. Мы были совершенно одни в заколдованном лабиринте, даже Василиса за нами не увязалась. От этого тревога подступала еще сильнее.

С замолчавшим Кристианом пропали и все звуки: стих ветер, замолкли переговаривающиеся о чем-то вороны. Тишину разбавляло только шуршание желто-оранжевых листьев под ногами.

— Куда ты меня ведешь? — спросила я, все-таки решая развеять собственные сомнения.

Роспонд остановился и взглянул на меня то ли с сожалением, то ли с раздражением. Мне было сложно понять, что несли в себе эти слегка изогнутые вверх густые брови и не выражающие ничего глаза.

— Вряд ли тебе понравится, — произнес он и рванул вперед

так, что я еле успела с ним поравняться, перед тем как проход вновь не зарос лиственными растениями. Я была совсем не уверена в том, что без Кристиана проворные кусты захотят меня пропускать вперед.

– Что ты имеешь... – не успела договорить, как ответ на недосказанный вопрос появился на поверхности.

Мы зашли в запущенную, совершенно крохотную беседку, в которой больше двух человек и не уместилось бы. В самом центре находилась пологая каменная плита с инициалами, заставившими мою кровь вскипеть.

Со всеми событиями, резко вскружившими голову, я забыла спросить про похороны. Про похороны Элизабет Грант, горячо любимой мною и неожиданно погибшей бабушки. Про похороны, которые, видимо, прошли без меня.

– Когда это случилось? – тихо, еле слышно спросила я, а по щеке уже текла жгущая кожу слезинка.

Разрыдаться почему-то желания не появилось. Возможно, осознание того, что бабушки не стало, не до конца закрепилось в моей голове.

– Ее закопали вчера утром. Виктор решил, что твое участие еще больше может усугубить ситуацию.

В этом отец был совершенно прав. Я и без того всеми силами сегодня пыталась отогнать мысли о том, что больше никогда не смогу увидеть Лиззи. Пудря голову неожиданно появившимся неизведанным новым миром, я утешала сама себя, делая вид, что сильная. Что переживу. Но рана была

слишком свежей, чтобы суметь так быстро зажить.

Опершись на железную ограду, я резко отдернула руку. На пальце обнаружился небольшой прокол, словно от тоненькой иголки. Я оторвала глаза от угнетающей безжизненной плиты и ужаснулась. Бледно-бежевые прутья оплетали огромные черные розы. Розы, снящиеся мне на протяжении нескольких лет.

— Черная роза — цветок смерти у светлых, — проследил за моим взглядом Кристиан. — Украшая ими надгробия, мы отдаем дань ушедшим из жизни. Элизабет была человеком, но имела огромный вес в нашем мире.

От услышанного мне стало жутко плохо, а ноги предательски подкосились. Я бы упала, но Кристиан, рывком переметнувшийся в мою сторону, аккуратно подхватил меня за плечи.

— Слушай, я тебя привел сюда, потому что тоже терял важных мне... людей, — его голос звучал не так, как обычно. Привычно бархатистый баритон предстал неуверенным шепотом. — Я знаю, что это тяжело. Но, прошу, не теряй сознание сейчас, потому что я понятия не имею, как мне нужно будет себя повести в такой ситуации.

Опять валяться без чувств несколько дней мне и самой не особо хотелось, но тело совершенно не слушалось, продолжая подрагивать каждым миллиметром. Ничего лучше не придумав, я, неуверенно обернувшись к стоящему позади Кристиану, дрожащими руками оперлась о его грудь. Гово-

рят, что люди могут забыть сами сны, но те ощущения, которые они приносили, – никогда. Поэтому сейчас я находилась в кошмаре наяву. Черные розы украшали абсолютно всю площадь куполообразной беседки и внушали мне единственное чувство, прозванное страхом. На неосознанном уровне я понимала, что выгляжу донельзя странно. Девушка, сумевшая практически без слез взглянуть на надгробную плиту чуть ли не единственного важного человека в ее жизни, испугалась какого-то цветка. Оставалось только надеяться, что Кристиан не думал в том же ключе.

– Расскажи мне побольше о ваших способностях, – попросила я, примыкая лицом к тревожно вздымающейся груди.

– О... Это тоже все зависит от того, к какому классу относится светлый. Например, мы, высшие, помимо сверхъестественной силы и скорости, способны полностью менять волю любого существа под себя. Полностью влиять на их ощущения, эмоции или действия. Еще каждый член правящей семьи имеет уникальную способность. У меня – возможность изменять любой предмет в ту вещь, которую мне только захочется, если для ее создания не требуется магия и она не слишком больших размеров. Иногда, кстати, это весьма полезно. – Он продолжал и продолжал рассказывать мне новое, совершенно этому не противясь.

Казалось, будто Кристиан из беседки, позволяющий мне прижиматься к нему, как испуганному котенку, и Кристиан из столовой, смотрящий на меня с презрением, – два разных

человека. В какой-то момент я даже почувствовала на затылке едва заметные поглаживания тонкими пальцами рук.

– А Раф? Какая у него способность? – безнадежно спросила я, чувствуя, как его хриплый голос начинал на меня воздействовать таким успокаивающим эффектом, каким на меня не действовал ни один крепкий травяной чай.

Но Кристиан не отвечал, вместо этого заставляя меня ощутить, как напрягается каждый мускул его подтянутого тела. Я устало прикрыла содрогающиеся веки, довольствуясь хотя бы тем, что он от меня не отстранился.

Вот так вот Кристиан, которого я почти что записала в список своих врагов всего за пару дней знакомства, сейчас был единственной преградой, ограждающей меня от мыслей про надгробный камень, принадлежащий самому любимому человеку в мире, и роз, заставляющих одним своим существованием проживать кошмар снова и снова.

– Тогда перейдем к гибридам, – к моему изумлению, произнес Роспонд. – Брат, он... В общем, после смерти моей мамы наш отец, Зибор Роспонд, завел довольно продолжительные отношения с ведьмой.

– Постой, так у вас с Рафом разные матери? И он гиповамп, правильно?

– Ага, – сухо ответил он, параллельно со всей невозмутимостью пытаясь вытащить кольцо, запутавшееся в моих волосах.

Казалось, Кристиан старался воссоздать виденье того, что

в принципе никого по макушке он не гладил, поэтому я, едва сдерживая глупую улыбку, непонятно отчего выступившую на моих губах, вида, что это заметила, героически не подавала.

– В общем, гиповампы не имеют никаких уникальных способностей, независимо от происхождения. Хотя я не могу быть в этом уверен. Но, по крайней мере, в ситуации с Рафом все именно так. Он и волю подавляет едва ли, да и гораздо слабее по силе почти любого из служащих светлых. Зато Рафал способен создавать некоторые заклинания и проклятия.

– Например? – Даже несмотря на происходящее вокруг, меня очень позабавила картина Рафала в голове, заговаривающего официанта, чтобы он нам принес бесплатный коктейль.

А ведь и правда, на нашем первом свидании, по чистой случайности, вместе с моим излюбленным горячим шоколадом нам бесплатно достались еще два круассана с миндальной стружкой! Подобные мысли позволили мне хоть немного расслабиться.

– М-м... – с несвойственной неуверенностью протянул Кристиан. – Думаю, было понятно еще до этого, что я совершенно ничего не знаю про ведьм. И не хочу знать, – уверенно произнес он, а мне собственная интуиция начала подсказывать, что это связано с как раз таки не названной им мамой Рафа.

Если так подумать, то и про отца Кристиан был достаточ-

но немногословен, отчего складывалось впечатление, что если я ковырну глубже, то наткнусь на какую-то семейную драму, а сейчас, пожалуй, это было нужно в последний момент.

– Мистер всезнайка чего-то не знает, – усмехнулась я, вдыхая запах хвойного леса, исходящий от черной ткани футболки.

– Смотрю, тебе уже гораздо лучше, – буркнул он, легонько отталкивая меня от себя.

Я, уже привыкшая к теплу чужого тела, вздрогнула, упорно избегая взглядом злосчастных роз. При этом, боясь вновь повернуться к серому камню, все что мне оставалось – рассматривать лакированные туфли Кристиана и идеально уложенную кремовую плитку на полу.

В голову неожиданно пришла безумная идея, которую я поторопилась озвучить:

– Я одна из светлых?

На такие домыслы меня надоумил рассказ про уникальные способности «высших». Конечно, я не являлась членом ни одной из четырех главных семей, однако по-другому мои сновидения, которые, как выходило, все это время вели меня к смерти бабушки, я объяснить не могла. Пытаясь докопаться до истины, я даже вспомнила о том, что впервые увидела проклятые черные розы, именно будучи у Лиззи в гостях очередным жарким летом.

– Нам нужно срочно отсюда уходить, – сказал Кристиан, полностью игнорируя мой вопрос. Его точеное лицо оказа-

лось повернуто куда-то вбок. – Нет, уже поздно...

Я не успела огрызнуться, как он быстро пробормотал: «*Держись крепко*», – и, подхватив меня на руки, словно пушинку, пару раз постучал пальцами по кольцу. Неожиданно рубин, вставленный в перстень, заискрился, полностью ослепляя глаза ярким красным светом, переливающимся в разноцветные искры.

Раздался громкий хлопок, как от новогоднего фейерверка, и в эту секунду я затаила дыхание. Вокруг появились с тысячу голосов, шепчущих мне что-то неразборчивым эхом. Все происходило как в каком-то трансе, где-то за гранью реальности. В теле чувствовалась неумолимая легкость. Я будто распалась на миллион маленьких частичек, усиленно порхавших вверх.

Быстро заморгав, я наконец смогла рассмотреть чье-то обеспокоенное лицо, находящееся прямо над моим. Я потянулась к нему рукой и ощутила еще свежую щетину, покалывающую кожу. Обведя пальцами точеный подбородок, перешла к теплой шее. Совершенно не понимая, кто или что передо мной, я блаженно продолжала исследовать этого «кого-то», что продолжал что-то усиленно пытаться донести. Но голоса в моей голове смешались так сильно, что услышать его так и не удалось.

Я закрыла глаза еще раз, а когда открыла вновь, почувствовала то, как ветер рассекал волосы над головой, а тело шаталось из стороны в сторону. Мои руки и впрямь лежа-

ли на чьей-то широкой шее, скрепленные в замок. Резко отдернув голову, обнаружила перед собой русую курчавую макушку из густых, наверняка мягких волос. Наконец, приняв реальность, я осознала, что Кристиан нес меня на спине.

– Что произошло? – спросила, поежившись от холодного воздуха.

Неужели я опять проспала несколько дней? Или, быть может, все происходящее в «лабиринте» из кустов было сном? Вопросы, на которые у меня не было ответа, большим количеством начали нарастать в голове.

– Я почувствовал их присутствие, энергию, – взволнованно произнес Кристиан, продолжая уверенно идти вперед. – Времени не было, пришлось перенестись.

Перенестись? Выпрямив спину настолько, насколько могло позволить мое положение, осмотрелась вокруг. Было темно, но я смогла различить громоздкие хвойные деревья, окружающие нас со всех сторон. Мы определенно находились в лесу.

– Куда? И от кого? – дрожащим голосом вымолвила я.

– Тереса, – Кристиан резко опустил меня на землю и повернул к себе так, что даже через темноту я могла отчетливо разглядеть его напряженную челюсть и серьезный взгляд. Он, кажется, впервые назвал меня по имени. – Мы находимся сейчас в очень опасном месте, и все это благодаря тебе! Кольцо из-за твоего сильного испуга перенесло нас обоих в Запретный лес, просто кишачий изгнанными и очень злы-

ми феями! – Он говорил спокойно, но даже самому глупому человеку было понятно, что Кристиан очень зол. – Поэтому, пожалуйста, просто иди рядом и делай все, что я скажу.

– Почему просто не перенестись куда-то еще? – с непониманием спросила я, вздрагивая от оханья совы, притаившейся на дереве.

Кристиан раздраженно цокнул и, прижав ладонь к собственному лбу, сказал:

– Во время переноса ты сильно вцепилась в мою руку, и кольцо слетело.

Мое сердце забилося с умалишенной скоростью. Здесь оправдаться я никак не могла, хоть и сильно хотелось.

«Молодец, Тей, ты, все еще не обладающая никакими способностями, сумела поставить вас обоих в критическую ситуацию. При этом оказалась в совершенно неизвестном мире, кишачем какими-то там злыми феями. Так держать!» – мысленно дала себе десяток пощечин, на деле же стыдливым взглядом рассматривая землю.

– И... От кого мы бежали? – не нашла ничего лучше, чем вновь осыпать его тысячей вопросов я.

– От темных, Тереса. Чары, наложенные Тианой, начали пропадать уже давно. Некоторое время продолжают нападки на наши края. – Он резко замолчал, подставляя свое лицо под потоки ветра. – Но еще никогда не было такого, чтобы низшие пробирались так близко... Надеюсь, я неправильно отличил энергию...

Сама совершенно не представляя, какую опасность миру вообще могут принести эти темные, больно похожие на вампиров из типичных романов и фильмов, просто решила довериться своему чутью и кротко кивнула. Даже если я чего-то не понимала, Кристиан явно выглядел крайне обеспокоенным.

– Веди уже, горе-поводырь, – шутливо отозвалась я, предпринимая попытку поднять всеобщее настроение.

Кристиан, по-видимому, юмора не оценил и, забавно сморщив ровный нос, аккуратно, но решительно взял меня за руку, переплетая наши пальцы.

– Услышит меня Всевышний, и больше я никогда не буду к тебе даже мизинцем притрагиваться... – Роспонд попытался сделать очень недовольную гримасу, что на фоне и без того нерадостных вестей вышло у него просто на ура. – А пока не смей даже пытаться отойти от меня хоть на шаг, поняла?

– Слушаюсь, пан Роспонд, – совсем раззадорилась я, мысленно коря себя за совсем неподходящее по атмосфере расположение духа.

Скорее всего, я просто настолько устала от всего происходящего, вихрем налетевшего на меня, что мозг окончательно сдался и решил устроить мне своеобразную разгрузку. У меня всегда так происходило в стрессовых ситуациях.

Почувствовав, как моя маленькая рука *утопала* в чужой мужской ладони, я невольно вспомнила то, с каким детским любопытством мне удалось исследовать чье-то лицо во вре-

меня перемещения. Был ли это сон? Или, может, под руку попался Кристиан? Последняя мысль заставила меня усиленно замотать головой. Да, *облапать* Роспонда являлось явно последней целью в жизни. Спросить про этот инцидент я, естественно, не решилась, посчитав, что даже в не совсем здравом уме определенно смогла бы распознать в незнакомце человека, который уже находился практически в списке «главных негодяев» после Рафа, бросившего меня на произвол судьбы, и Феликса, просто раздражающего одним только присутствием.

– Не отставай, – недовольно попросил меня Кристиан, потянув руку на себя.

Его ладонь была удивительно теплой. А говорят ведь, что вампиры – живые мертвецы. Хотя Кристиана и вампиром было сложно назвать. Ни клыков, ни жажды крови, еще и не бессмертный.

«Светлые – какие-то фальшивые вампиры», – подумалось мне, пока я еле успевала за быстрым темпом слишком высокого Кристиана и усиленно перебирала отчего-то уставшими ногами.

Неожиданный порыв ледяного ветра вернул меня к реальности. Я, содрогаясь от холода, вспомнила, что нахожусь в лесу, населенном странными существами, посреди ночи. Я вспомнила, что моя бабушка умерла, а кошмар стал явью. Вспомнила, что все, абсолютно все вокруг скрывали от меня правду годами. Страх вновь поселился внутри меня, со-

здавая в области живота неприятный узел. Я не имела даже малейшего понятия, какого поворота судьбы ожидать в этот раз, поэтому все, что мне оставалось, — следовать за загадочным парнем, открывшим мне глаза на этот новый, еще неизведанный мир.

Крепко сжимая руку Кристиана Роспонда в своей, я шла вперед, напрямиком в пугающую неизвестность.

4. Запретный лес и Александр

Наше время. Польша. Винецбург

Рука встретила с чем-то твердым и гладким, а раскрыв глаза, я обнаружила, что ощупываю линолеум. Мигом поднявшись с дивана, отчего начала кружиться голова, осмотрелась. Когда я оценила обстановку, пришло понимание того, что каким-то образом нахожусь не в лесу и даже не в поместье, а в собственной квартире.

– Неужели это был сон? – спросила в пустоту, сонно оглядываясь вокруг.

Но эта мысль оказалась сразу отвергнута тем, что я по-прежнему была одета в легкое платье, любезно отданное мне Василисой в поместье Роспонд. Хотя какой-то мешок из грязной ткани достаточно сложно назвать платьем как таковым. В голове начал складываться пазл из событий прошлых дней. Последним, что я помнила, был Кристиан, что-то кричащий мне вслед, а еще, кажется, у него искрился какой-то предмет в руке.

«Умная» колонка, стоящая на прозрачном журнальном столике, показывала ровно два часа дня. Я не была уверена, что мы перенеслись в лес, находящийся в том же часовом поясе, но если отталкиваться от этого, то я провалялась в отключке около половины дня.

Достаточно быстро переместившись на кухню, налила из

графина восхитительно вкусного апельсинового сока – пить хотелось до жути сильно. Затем направилась осматривать дом в поиске подсказок, ну, или телефона. Мой смартфон валялся на том же диване, с которого я и встала. На удивление, он не был разряжен, поэтому на экране мигом появились многочисленные сообщения от Александры и одно странное – с неизвестного номера.

Таинственное сообщение гласило о том, что мне не стоит искать какие-либо ответы или как-то упоминать о произошедшем среди людей, а когда придет время – со мной свяжутся. Подпись отсутствовала, но было нетрудно догадаться, что оповестил меня кто-то из светлых. Я задумчиво закусила губу, проходясь по уведомлению глазами несколько раз, однако ничего нового мне уяснить так и не удалось. Раздосадовавшись от собственной ненужности, поплелась в душ, решая раз и навсегда смыть всю грязь с тела, которой, кстати говоря, было предостаточно. Но даже горячие, ласкающие тело, тонкие водяные струйки не могли вымыть обиду и страх из моей груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.